

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Peremeny v ruskom literaturnom pole vo vremena i posle perestrojki (1985-1995) = Changes in the Russian literary field during and after perestroika (1985-1995)

Konstantinova, M.J.

Publication date
2009

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Konstantinova, M. J. (2009). *Peremeny v ruskom literaturnom pole vo vremena i posle perestrojki (1985-1995) = Changes in the Russian literary field during and after perestroika (1985-1995)*.

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

Глава V. Конец 1993 – 1995.

Новая Россия. Радости и проблемы акселерации

Событийная канва.

Итак, 12 декабря 1993 года состоялись выборы в новый законодательный орган России, которым должно было стать двухпалатное Федеральное Собрание, верхняя палата – Совет Федерации, нижняя – Государственная Дума. В выборах приняли участие 43 избирательных блока и объединения. Обязательный (5%) барьер преодолели: ЛДПР, КПРФ,¹ «Яблоко» и «Наш дом – Россия». Максимум мест в Госдуме получила ЛДПР (лидер – В. Жириновский, 59 мест), а на третьем месте оказалась Компартия РФ (лидер – Г. Зюганов, 32 места).

Тогда же прошло и всенародное голосование (референдум) по Проекту новой Конституции РФ. Большинством голосов (58,4% – за, 41,6% – против) Проект Основного закона был принят, и, в момент опубликования результатов референдума, новая Конституция вступила в силу. По новой Конституции Россия стала президентской республикой, система Советов ликвидировалась, их функции перешли к представителям Президента. Новым органом законодательной власти России стало двухпалатное Федеральное Собрание. Новая Конституция изрядно упрочила позиции и беспрецедентно расширила права Президента РФ: он стал не только главой государства, но одновременно и главой правительства. То есть, в руках президента оказалась вся полнота исполнительной власти, кроме того, он обрел и серьезные законодательные полномочия (включая право роспуска Госдумы, если она трижды отклонит кандидатуру премьер-министра).

Новая Конституция, среди прочего, включала Чечню, как субъект Российской Федерации, что вызвало резкое несогласие со стороны чеченского руководства. И натянутые отношения между республиками окончательно испортились. Россия закрыла границу с Чечней, а проходящие через нее железные дороги были взяты под российский контроль. Президент Чечни (20 декабря 1993) издал именной Указ о присвоении Р. Хасбулатову (дождавшемуся суда за участие, в качестве руководителя путча) чеченского гражданства. На геополитэкономической карте РФ разгоралась «горячая точка».

С 11 января 1994 приступили к работе новые органы государственной

---

¹ Незадолго до выборов, временный запрет на деятельность КПРФ был снят министром юстиции.

власти: Совет Федерации и Государственная Дума. В честь празднования Дня Вооруженных сил (23 февраля 1994) Госдума объявила о традиционной амнистии, которая вызвала исторически большое количество возражений. Под амнистию попали не только все участники августовского путча 1991 года (находившиеся под стражей или следствием), но также и все, причастные к вооруженному октябрьскому путчу 1993 года, включая Руцкого и Хасбулатова. Данное решение Госдумы прекратило всю работу парламентской Комиссии по расследованию событий путча 1993 года. Президент Ельцин, выражая недовольство амнистией, пытался ей препятствовать, но ему указали, что, по существующим порядкам, Президент может только помиловать, а решение об амнистии принимается не им.

В конце мая 1994 года, в Россию вернулся Александр Солженицын. Его самолет приземлился в далеком Магадане, и писатель начал свое медленное возвращение из «западной ссылки» в отечество с Востока страны. Не спеша продвигаясь по местам тяжелой памяти, Солженицын добрался и в столицу, где выступил впервые перед новой Думой 28 октября 1994.

События на Северном Кавказе тем временем разгорались, и в декабре 1994 года, для «восстановления конституционного порядка на территории субъекта Российской Федерации», в Чечню были введены федеральные войска. Это положило начало новой, затяжной войне. Только в октябре 1996 года воюющим сторонам удалось договориться о проведении в Чечне президентских выборов. В мае 1997 года, был подписан Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Но после официального окончания войны, Россия оказалась лицом к лицу с проблемой терроризма, решение этой проблемы не найдено до сих пор.

Возвращаясь к событиям конца 1993 – 1994 года, следует сказать, что после выборов в Думу и принятия новой Конституции жгучая «лихорадка руководящих органов власти» резко спала. В стране, в результате тяжелых политэкономических кризисов, наступила так называемая системная пустота. Прежние связи и структуры были частично или полностью разрушены, новые еще не созданы или даже еще не задуманы. Понимание и регулирование рыночной экономики, как и торможение негативных явлений и тенденций, оказались невозможными без создания новой системы институтов правового государства и гражданского общества.

К 1995 году постсоветская экономика России плановой уже не являлась, но

не была еще и в полном смысле рыночной. Переход от социализма к рыночной экономике – исторически беспрецедентный процесс. Готовых и просто годных инструкций, институций, инструментов, агентов и даже элементарных законов в таких базовых сферах развитой рыночной экономики, как налоговая, монетарная и правовая в России пока просто не было. И несколько следующих лет стали периодом применения пресловутого «метода проб и ошибок», то есть, – очередного экспериментирования на живых людях, для определения оптимальной меры сочетания отечественных инструментов с новыми, заимствуемыми из самых разных образцов рыночной экономики мира.

Системная пустота воцарилась и в сфере политики, годы 1994-1995 можно обозначить как политическое затишье. Но на фоне этого затишья, уже к 1995 году, в России было зарегистрировано около 60 новых партий, составивших самый широкий диапазон общественно-политических сил.²

---

² Про всей широте этого диапазона, в нем обнаруживался и определенный перевес в радикализм, причем, как в левый (КПРФ – самая крупная российская партия), так и правый (например, ЛДПР, получившая максимальное количество мест в новой Думе).

V.1. ИНСТАНЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВЛАСТИ

ПИСАТЕЛЬСКИЕ СОЮЗЫ

С конца 1993 года, вести речь о писательском союзе (любом из множества старых или вновь возникших и надробившихся из уже существовавших), как об агенте, имеющем серьезный вес или играющем некую ощутимую роль в поле литературы уже не приходится. Союзы писателей занимались вопросами выживания, а также – в разной степени – «битвой за наследство». Для лучшего понимания ситуации, приведу отрывки из специального исследования, целиком посвященного «войне писательских союзов» в постсоветской России:

Итак, с 1991 г. по 1995 г. союзы боролись за единоличное право на наследство СП СССР. Победителя определить не удалось. С 1995 г. они практически перестали бороться и уже только жалуются, но воз и ныне там. В итоге совместное имущество писателей России теперь раздроблено, продано и потеряно. Результатом этой многолетней борьбы стала ясность по единственному вопросу – судьбу СП СССР могут решить либо суд, либо Всесоюзный съезд. В настоящее время о Всесоюзном съезде СП СССР всерьез говорить не приходится. <...> Борьба за богатство СП СССР, затянувшаяся до 1995 г., в конце концов, так и не закончилась чьей бы то ни было единоличной победой. И к лету 1999 г. энергия лидеров конкурирующих союзов окончательно иссякла. <...> Вершина абсурда в истории постсоветских писательских союзов состоит в том, что после девятилетней борьбы за авторитет, престиж и богатство Союза писателей СССР, он *юридически все еще существует* и, вполне вероятно, просуществует еще долгие годы. Между тем, существование это будет жалким, т.к. поддерживают его одни лишь мечты или фантазии тех, кто спит и видит, как бы его унаследовать.³

Так, в новом поле литературы роль писательских союзов советского образца сошла на нет, к концу 1993 года, многие из них стали общественными организациями, с разной степенью легальности, в той или иной мере участвующими в кое-какой коммерческой деятельности (по издательским и/ли торговым делам). Точка «общего кипения», правда, возникла еще один раз, в 2000 году:

<...> 19 октября, <...> осколки бывшего СП РСФСР – Союз российских писателей (демократы) и Союз писателей России (патриоты), в далеком 1991 г. возводившие друг против друга нефигуральные баррикады, – собираются в помещении Литфонда РФ (и по его инициативе) и учреждают Российскую ассоциацию писательских организаций и союзов. Идеологически почти ничего не меняется, но демократы и почвенники наконец понимают, что Союз писателей – не Сакральное Тело Литературы, а профсоюз; и пока они не объединятся, они не могут официально наследовать стремительно исчезающему имуществу СП СССР: «утрачены дом Союза писателей СССР на Поварской, Литературный институт, Переделкино (земля распродается), писательская поликлиника». Правда, председатель СПР Валерий Ганичев с оптимизмом утверждает, что «все перешли на путь реализма, который и утверждается в принятом уставе родившейся организации», но все остальные понимают: сейчас не до терминов и методов; предстоит нешуточная борьба с Международным сообществом писательских союзов, ведомым Тимуром Пулатовым, и

³ П. Генри, *Костер тщеславий*, НЛЮ №48, 2001.

контролируемым им Международным Литфондом, который и узурпировал большую часть советской писательской собственности. Именно в различных петициях, направленных против незаконных действий МСПС, и встретятся через запятую подписи людей, десять лет существовавших по разные стороны «невидимой берлинской стены».⁴

Демонстрируя невероятную живучесть в виде сходок и собраний для обсуждения «организационных вопросов» в связи с наследством СП СССР и владений Литфонда, различные союзы писателей, тем не менее, никакого реального влияния на общий литературный процесс России уже не оказывали. Вряд ли можно назвать влиятельными все те, спорадические, всегда чересчур ярко политокрашенные попытки заявить о себе «на весь белый свет», как, например, присуждение «бондаревским» СП литературной «премии имени Шолохова» лидеру боснийских сербов Радовану Караджичу (1994).

ТОЛСТЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Другой тип традиционной для России литературной инстанции – толстые литературные журналы – тоже переживал после 1993 года не лучшие свои времена. Но традиционным «толстякам» надо отдать должное, – несмотря на все трудности и проблемы, почти все они продолжили регулярно издаваться. И, что бы ни говорили различные агенты литературного поля, влияние на литературный процесс некоторые (из их публикаций) оказывали весьма заметное.

Падение тиражей толстых литературных журналов, начавшееся после распада СССР, продолжалось все последующие годы. Но именно в конце 1993 года тиражи претерпели самый грандиозный обвал, в цифровом выражении не способный даже близко сравниться с предшествовавшим ему (в начале 90-х) чудесным тиражным взлетом. Уже в конце рассматриваемого периода, к 1995 году, тиражи достигали таких показателей, о каких литераторы и читатели России ранее не слыхивали и не были способны себе такого даже представить. Для наглядности привожу сводную таблицу тиражей наиболее популярных журналов за все, рассматриваемые в данной работе, 10 лет, полностью изменившие и поле русской литературы, и саму литературу.

---

⁴ Е. Грачева, Новейшая история отечественного кино 1986-2000, Кино и контекст, Т.7. СПб., 2004.

ТИРАЖИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ В 1985–1995 ГОДАХ⁵

год	Юность	Новый мир	Знамя	Наш современник	Звезда	Дружба народов	Октябрь
1985	3 200 000	422 000	175 000	220 000	120 000	155 000	175 000
1986	3 290 000	414 000	250 000	220 000	120 000	160 000	175 000
1987	3 100 000	496 100	291 000	220 000	140 000	160 000	185 000
1988	3 100 000	1 110 000	516 000	240 000	155 000	800 000	250 000
1989	3 100 000	1 600 000	980 000	313 105	210 000	800 000	380 000
1990	3 100 000	2 620 000	1 000 000	488 800	344 000	800 000	380 000
1991	999 000	895 000	419 000	311 697	130 980	178 100	242 000
1992	100 000	241 340	192 409	163 757	68 080	102 450	58 115 ⁶
1993	70 000	53 010	76 500	57 115	46 740	50 000	59 000 ⁷
1994	35 400	29 100	49 174	31 305	23 600	23 000	38 200
1995	24 100	31 820	33 700	21 087	21 000	16 050	23 900

Сотрудники ВЦИОМ, социологи Л. Гудков и Б. Дубин писали в 1994 году:

Динамика тиражей журналов (и лакуны в их структуре), проблемы перехода произведений в книжную культуру демонстрируют большие узлы общественной жизни и диагностируют сложности отношений между различными группами общества.⁸

Судя по обвалам тиражей только за два года, – «диагноз» конца 1994 года многим казался ясным: «толстякам» грозило полное исчезновение.⁹ Однако, именно в 1994 году случилось маленькое чудо. Помощь пришла внезапно и, как говорится, «откуда не ждали»: Фонд Джорджа Сороса предложил целевую поддержку ведущих литературных журналов России. Спустя много лет, редактор журнала «Знамя» (с 1993 года) Сергей Чупринин рассказывал:

Журналы должны были бы закрыться трижды. Первый раз – в 1993 году, когда мы ушли из розницы и уже в нее не вернулись. Мы жили на деньги подписчиков, которые приходили дважды в год и авансом. При гиперинфляции наши деньги обесценивались. Тогда главный редактор «Знамени» Григорий Яковлевич Бакланов покинул свой пост, но позаботился о нашей дальнейшей судьбе. Он объяснил Джорджу Соросу, который как раз тогда пришел в Россию, что надо бы поддержать и бедного читателя, и библиотеки, и умирающие литературные журналы. И была введена программа библиотечной подписки на наши журналы, длилась она семь лет. Но тиражи постепенно сокращались, потому что фонд Сороса закупал все меньше экземпляров.¹⁰

⁵ Цифры даны, в основном, из декабрьских книжек (если не оговорено дополнительно). Вопиющее исключение в этом принципе дает «Новый мир» за 1990 год, когда вышло только 9 номеров журнала, а на остальные, из-за удвоенных тиражей начала года, не хватило бумаги и денег.

⁶ Замечу: №10 в 1992 вышел тиражом 134 100, то есть, – к концу года тираж упал почти вдвое!

⁷ Июльский номер за 1993 год.

⁸ Л. Гудков и Б. Дубин, Литература как социальный институт, М., 1994, стр. 342.

⁹ Надо сказать, что непрерывный спад тиражей, несмотря ни на что, продолжился; в 2000 году эти цифры не превышали уже 8-10 тысяч даже у самых популярных, а к лету 2006 года тираж, скажем, «Знамени» составлял уже лишь 4,5 тысячи экземпляров.

¹⁰ Из интервью А. Ребель с Сергеем Чуприниным «Читающая публика – это инвалиды» (Газета.ру от 24.07.2006, http://www.gazeta.ru/2006/07/21/oa_208953.shtml).

Сам же Г. Бакланов (редактор журнала в 1986-1993), помнит об этом иначе:

Надо было что-то делать. И вот собрались четыре редактора толстых журналов: «Нового мира», «Дружбы народов», «Октября» и «Знамени». Я сказал, что надо помочь библиотекам, чтобы они могли выписывать журналы. Обнищавшая наша интеллигенция скоро не сможет, как бывало, выписывать журналы на дом, так пусть хоть в библиотеках читает. И тиражи таким образом не упадут резко. А продержатся журналы – будет где молодым печататься. И не только молодым. Вот так поговорили, и ничего из этого не последовало. Тогда я обратился к Джорджу Соросу – он в это время основал в стране свой фонд «Культурная инициатива» – и предложил мне войти в правление фонда. Полгода опрашивали библиотеки всей страны, составлялось то, что теперь называют бизнес-планом. Библиотекам был предложен на выбор список из 8 толстых журналов, условия такие: из полугодовой подписки 5 месяцев оплачивает фонд, 1 – библиотека. Сорос дал на год миллион долларов. Потом давал и по 3 миллиона. Восемь лет длилась эта программа.¹¹

Программа Фонда Сороса в период помощи толстым литературным журналам решала сразу несколько проблем всего литературного поля России: помимо самих журналов, она поддерживала библиотеки, а, следовательно, и читателя (особенно провинциального), который не мог купить (в провинции дистрибуция уже не доходила) или выписать (не хватало денег) центральный литературный журнал.

Поначалу в программе участвовали семь изданий: «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя», «Иностранная литература», «Новый мир», «Октябрь» и питерская «Звезда». Институт «Открытое общество» выкупал от 10% до 30% экземпляров каждого номера и рассылал их по российским библиотекам, помогая и журналам, и сотням библиотек, лишившимся бюджетных средств на подписку.¹²

Но ситуация с толстыми литературными журналами была бы освещена не полностью, если не вспомнить такие журналы, как «Наш современник» и «Москва», начавшие, как говорилось раньше, свой отход от либерально-демократических изданий еще до распада СССР. После политического раскола писательских союзов, эти журналы практически ушли из общего литературного поля, и с тех пор вели весьма обособленную жизнь, держась линии «национал-патриотических изданий». В списки помощи от Фонда Сороса эти журналы не попали, однако и существование свое, несмотря на все трудности, не прекратили. Спустя много лет, своими методами выживания, поделился главный редактор журнала «Наш современник» Ст. Куняев:

В 90-м году, когда тираж был почти 500 тысяч, мы получали 12 тыс. писем в год. Начиная с 90-го года почта сократилась в 10 раз. А подписка уменьшилась раз в 40. Это означает, что читателей у нас больше, нежели подписчиков. Когда мы бываем в городах и весях нашей необъятной России, а мы, может быть единственный журнал, который постоянно выезжает, мы проводим вечера в крупных библиотеках. И мы всегда спрашиваем о журнале. В библиотеках, а библиотечная подписка – приблизительно половина нашей

¹¹ Из интервью В. Нузова с Г. Баклановым, *Вестник*, Нью-Джерси, США, 11.09.2001.

¹² Денис Сергеев, *Итоги благотворительности*, «Эксперт» №5(265), от 5 февраля 2001.

подписки, 5-6 тысяч, на каждый номер в течение года приходится около 10 выдач. Пять тысяч библиотечных номеров читает приблизительно 50 тыс. человек. По сегодняшним временам [в 2003 году – МК] – громадная цифра. К этому нужно прибавить личных подписчиков. 60-70 тысяч читателей у нас есть. Ни одна книга, кроме детективов, сейчас не имеет такого количества читателей. <...> Подписных денег хватает приблизительно на 10 номеров из 12. Это 80 процентов – главный наш бюджет. В первом полугодии 5 номеров издаём за подписные деньги, на 6-й номер деньги нужно искать. И во втором полугодии на 12-й номер. Спонсоров у нас нет. <...> Мы нашли выход из положения. Он достаточно элегантный, хотя требует больших усилий. Я иногда высокопарно говорю, что мы журнал великой русской провинции. В 95 году нам помог выйти из финансового тупика Аман Тулеев – нынешний губернатор Кузбасса. Он приехал в редакцию и предложил сделать «Кузбасский номер». Опубликовать 15-20 писателей Кузбасса и Кемерово в одном номере. В 95 году мы издали такой номер. И вдруг оказалось, что главы других областей тоже хотят дружить с писателями. Появились предложения из Орла, Вологды, Белгорода, и мы поняли, что два номера в год можем посвящать регионам – эти номера губернаторы наполовину оплачивали.¹³

ЧАСТНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ

К концу 1993 года частное книгоиздание приобрело в поле литературы России статус уже весьма самостоятельного агента, со своей уникальной и неотъемлемой ролью, и быстро осваивало позиции, отбирая их у книгоиздания государственного. Новые позиции частного книгоиздания уже с 1994 года позволяли оказывать ощутимое – прямое или косвенное – влияние на ход всего литературного процесса новой России.

В 1994 году, в динамике объемов частного книгоиздания сохранились и усилились тенденции, наметившиеся в 1993 году. <...> Частное книгоиздание догнало государственное по числу изданных книг <...>, по тиражу обогнав государственное в полтора раза (58% против 37%).¹⁴

Частное книгоиздание, как и прочие отрасли постсоветской экономики, конечно, не избежало всех пертурбаций, обрушившихся в 90-х годах на страну. Вскоре обнаружились свои «западни и лазейки», характерные именно для данного агента литературного поля, которые, соответственно, либо вывели из игры начинающих предпринимателей, разорив их, либо позволили им выстоять, заняв свое место в поле. Приведу пример – сложной в реализации и весьма смелой для молодого постсоветского рынка – «экономически спасительной лазейки» нового времени:

По оценкам специалистов, с 1991 по 1993 книжные цены выросли в 450 раз. <...> Столичные издатели обратились сначала в провинциальные типографии, а в 1994 году оказалось, что дешевле и удобнее использовать зарубежные полиграфические мощности, где качество печати было выше, сроки – короче и надежнее, а цены на полиграфические

¹³ Интервью В. Перельмана с главным редактором журнала «Наш современник» С.Ю. Куняевым, опубликовано в сетевом альманахе «Топос» 5 марта 2003 года (<http://topos.ru/article/947>).

¹⁴ М. Свиченская, Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга: История, современное состояние, перспективы развития, RSS/OSSF, Прага, 2000.

услуги – ниже. С этого года издатели стали печатать книги в Западной, Центральной и Северной Европе и в США, – когда требовалось высокое качество цветной печати, и в странах ближнего зарубежья – во всех остальных случаях. В 1994 году 45% полиграфических заказов российских издательств выполнялось на зарубежной полиграфической базе. При этом отечественные типографии были загружены заказами лишь на 60% в 1993 и на 40% – в 1994 году. В 1994 году правительство РФ приняло антипротекционистское постановление (№196 от 10.03.1994 г.) о беспошлинном ввозе книг в Россию.¹⁵

Эта «лазейка заграничной полиграфии» весьма красноречиво говорила о реальном наступлении «новых времен», но скоро и эта лазейка стала походить на западную: разразился кризис перепроизводства.

За прошедший с 1991 года период был ликвидирован книжный дефицит, созданный советским книгоизданием. Читательский спрос на переводные детективы, женские романы, кинороманы и т.п., составлявшие основу выпуска коммерческих издательств, резко упал. <...> Первые признаки затоваривания рынка появились еще в конце 1993 года, однако настоящий кризис разразился к осени 1994 года. Буквально за полгода (с лета 1994 до зимы 1995) ситуация поменялась катастрофическим для издателей образом – еще вчера не знавшие проблем со сбытом своей продукции, они вдруг оказались со складами, заполненными непроданными книгами. Резко упали тиражи изданий, возросли издержки, остановились отпускные цены на книги (в стране, напомним, была инфляция). <...> На этот же период приходится *целая серия банкротств* издательств («Северо-Запад», «Прогресс», «Дом» и других), не среагировавших с должной оперативностью на изменение конъюнктуры рынка, не скорректировавших тиражи и наполнение выпуска, не отладивших каналы реализации продукции. Серьезные трудности возникли и у многих других лидеров книгоиздания начала 90-х («Терра», «Голос», «Лениздат», «Республика», «Художественная литература»). Книга переставала быть дефицитом и быстро ликвидным товаром первой необходимости.¹⁶

Кризис перепроизводства обнаружил и заострил все остальные – системные – проблемы книгоиздания, в частности: проблему дистрибуции. Недостатки сбыта книжной продукции, вызванные общим коллапсом советской инфраструктуры народного хозяйства, вскоре привели к отсутствию сбыта. Чудовищная инфляция, временно обусловившая частичную (и/ли полную) стагнацию деятельности почты, железнодорожных и авиа сообщений, фактически дезинтегрировала и саму систему книготоргов, нередко ориентированную исключительно на снабжение из центра. Развал книготорговой сети, страдавшей на местах от не(до)поставок новой ходовой продукции и затовариванием неходовой, усугублялся еще и тем, что региональные деятели, проявляя «хозяйственную жилку», начали повсеместно перепрофилировать свои складские и торговые помещения, ориентируясь всякий раз на наиболее выгодных арендаторов. Провинциальные (и не только) книготорги превратились в гаражи, оптовые рынки, коммерческие мастерские и т.д., словом, – во что угодно, только не в предприятия по приему,

¹⁵ М. Свиченская, Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга, RSS/OSSF, Прага, 2000.

¹⁶ А. Ильницкий, Книгоиздание в современной России (<http://www.vagrius.ru>) (курсив мой – МК).

хранению, пересылке книг или торговле ими. Сеть книоторгов распалась. Книги начали сбывать в розницу по старинке: их продавали книгоноши в пригородном и даже городском транспорте, ими торговали «с лотка» в наиболее людных местах (у метро, вокзалов и т.д.). Однако основных проблем дистрибуции такими методами было не решить.

Другой лазейкой, приносящей временное спасение, но способной обернуться и западней, явилось пиратство. Нарушение авторских прав и прав интеллектуальной собственности впервые стало реальной и весьма серьезной проблемой частного книгоиздания как раз на данном этапе, когда «пиратские» издания приняли массовый характер. Например, на съезде Ассоциации книгоиздателей (февраль 1993), тогдашний министр информации М. Федотов сообщил собравшимся, что за истекшие 5 лет 90% книг, изданных на территории (бывшего) СССР – пиратские. Условные потери от книгоиздательского пиратства, только в 1995, оценивались в 50 миллионов долларов США, а прямые потери бюджета примерно в 3 миллиона долларов США.¹⁷ Однако у начинающих частных книгоиздателей были свои мотивы, интересы и резоны:

Следует признать, что безукоризненное соблюдение авторских прав увеличило бы себестоимость изданий, отрицательно отразилось на цене и сбыте, чем значительно осложнило бы деятельность начинающих издателей, а несоблюдение прав авторов, как и налогового законодательства, являлось неизбежным условием быстрого первоначального накопления.¹⁸

Юридической основой для борьбы с «пиратством» должен был стать Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах», который и был принят 9 июля 1993 года. Закон, разумеется, не прекратил «пиратства» за одну ночь, однако – на длительном этапе развития книгоиздания – роль свою безусловно выполнил, хотя не обошлось и без «национальных особенностей»:

Издательства начинали соблюдать авторские права только после своего закрепления и стабилизации на книжном рынке. Это стало общим правилом российской издательской практики.¹⁹

Прежде чем перейти к следующему новому феномену частного книгоиздания в России, хотелось бы напомнить, что писали в 1994 году, размышляя о «диктате толстых литературных журналов», отечественные социологи:

¹⁷ М. Морозовский, Российские литературные агентства в 1995 году //Книжное дело, №1, 1996, с. 63-65

¹⁸ М. Свиченская, Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга: История, современное состояние, перспективы развития, RSS/OSSF, Прага, 2000.

¹⁹ Там же.

Журналы порождают движение самого литпроцесса, предлагая и внедряя собственную селекцию авторов, тематики и пр. Журнал объединяет усилия творческих групп интеллигенции и более широких слоев читающего населения. Тем самым журнал осуществляет процессы обобщения идей, актуальной информации, передавая их собственно от специалистов определенной дисциплины, сферы деятельности к наиболее квалифицированной, межпрофессиональной аудитории, а затем – к активной части широкой публики, стремящейся быть в курсе основных вопросов общественно-культурной жизни.²⁰

К началу 1994 года российский книжный рынок был уже завален переводной фантастической, детективной и оккультной литературой, которая не печаталась в толстых литературных журналах, издаваясь отдельными книгами и занимая при этом едва ли не все основные позиции по продажам. Массовый читатель постсоветской России, страдая от развала страны, инфляции и безденежья, тем не менее, «голосовал личным рублем», скупая все эти годы гигантское количество книг, наспех переведенных «литературными неграми» и кое-как изданных первыми коммерческими издательствами. Далее случилось неизбежное:

В 1994 г. рынок <...> не выдержал такой нагрузки и ответил падением спроса по этим тематическим направлениям. К тому же и конъюнктура спроса стала меняться: сочинения всех основных зарубежных авторов были к тому времени опубликованы. <...> По свидетельству руководителей издательств «Вагриус» и «Лань», примерно к середине 1994 года интерес читающей аудитории к детективу, фантастике и приключениям упал. Следует, однако, учесть, что к этому моменту на рынке были представлены почти исключительно зарубежные авторы. Читательская аудитория <...> вновь почувствовала интерес к отечественной литературе. В определенном смысле это «спасло» российских авторов, произведения которых, в большинстве своем, с начала 1990-х годов практически не печатались. <...> те издатели, которые тонко чувствовали конъюнктуру, быстро переориентировались. Они стали активно выпускать отечественные детективы, боевики и произведения в жанре фэнтези (Марининой, Тополя, Семеновой и др.). Именно на этой тематике удалось значительно обогнать своих конкурентов таким издательствам, как «Терра», «Северо-Запад», «Азбука» и «Вагриус». Ими же было начато освоение других сравнительно новых направлений, таких, например, как женский и эротический роман. Читательская аудитория ответила на это ростом спроса, и ситуация на рынке художественной литературы быстро стабилизировалась. В то же время почти треть из тех книгоиздательских и книготорговых фирм, которые не сразу отреагировали на перемену конъюнктуры, оказались разорены. <...> по мере удовлетворения первоначального книжного голода спрос становился все более избирательным и разнообразным.²¹

Итак, с 1994 года в стране становится заметно присутствие нового агента, уже укоренившегося в литературном поле – частные книгоиздатели. Влияние нового агента столь велико, что – в широком смысле – можно говорить буквально о новом – издательском – «диктате» на книжном рынке. Частные издательства отбирают и внедряют «собственную селекцию авторов и тематики», осуществляя, тем самым «обобщение идей и актуальной информации», поддерживаемые, в

²⁰ Л. Гудков и Б. Дубин, Литература как социальный институт, М., 1994, стр. 342.

²¹ М. Свиченская, Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга, RSS/OSSF, Прага, 2000.

первую очередь, той самой «активной частью широкой читающей публики, стремящейся быть в курсе основных вопросов общественно-культурной жизни». Тенденция к вытеснению отечественной литературой переводов в списках бестселлеров сохранилась, а в следующие 10 лет еще и заметно усилилась:

По мере развития российского книжного рынка, по мере приобретения большего профессионализма издателями и писателями, русское вытесняет переводное даже в массовых жанрах, в которых прежде традиционно главенствовали переводы. Если посмотреть на список наиболее издаваемых авторов 2004-го года, в ней мы увидим одного-единственного иностранного автора – Пауло Коэльо. В прошлые годы Россия выглядела несколько более открытой к иностранной литературе. Впрочем, в 2004 г. выпуск переводных изданий составил по количеству названий – 10959 книг, а по тиражу – 87,9 млн. экз. Среди традиционно популярных – переводы с английского (6984), французского (746) и немецкого (555) языков. <...> Скорее всего, выпуск переводных изданий и в дальнейшем будет сокращаться. <...> причина сокращения в том, что Россия окончательно присоединилась к международным конвенциям и теперь сроки охраны авторского права внутри страны соответствуют мировым стандартам. Если до недавнего времени большое количество книг начала и середины XX века выходило в России на основаниях узаконенного пиратства, то с середины прошлого года ситуация стала выравниваться. Правда, именно сейчас ситуация выглядит максимально странной: права на классические произведения последнего века раскуплены и зафиксированы, но на рынке присутствуют товарные остатки предшествующих изданий в заметном количестве, бороться с которыми никто не спешит. Российский книжный рынок <...> подтверждает репутацию непрозрачного и непредсказуемого. Счесть ли это приметой загадочной русской души, или недовыстроенной за 13 лет²² инфраструктуры – вопрос личного вкуса.²³

Под давлением книжного лобби, в 1995 году был принят Федеральный Закон РФ «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания». Вступив в силу 5 декабря 1995 года, он установил для издательств ощутимые льготы по налогообложению, таможенным пошлинам и пр., на период по 1998 год включительно.²⁴ Был определен и порядок приватизации издательских предприятий. Поскольку все льготы были выделены только книжной продукции, «связанной с образованием, наукой и культурой», то сразу возникли расхождения в толкованиях всех этих понятий, под которые попадала практически вся печатная продукция. Власти быстро уточнили: льготы не распространялись только на рекламные издания и эротическую литературу. Данный закон 1995 года быстро и

²² Текст 2005 года, следовательно, речь идет о периоде с 1992 года.

²³ А. Гаврилов (главред «Книжного обозрения» с 2000 года), цит. по русскоязычной рукописи, опубликованной по-французски: A. Gavrilov, “L'édition russe, un tournant”, La Lettre, # 66, 2005.

²⁴ Согласно закону, от налога на добавленную стоимость (НДС) освобождались:

- обороты по реализации книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой;
- редакционная, издательская и полиграфическая деятельность по производству такой продукции;
- услуги погрузки, разгрузки и транспортировки подобной книжной продукции;
- прибыль, получаемая от производства и дистрибуции подобной книжной продукции, но только с той части, что зачислялась в федеральный бюджет;

Налогообложению также не подлежала прибыль, получаемая издательствами и книготорговлей, идущая на финансирование капиталовложений по основному профилю.

позитивно повлиял на положение книгоиздания: уже в течение первого года его действия, книгоиздатели смогли сэкономить сотни миллиардов рублей, что привело к снижению цен на книги.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

ПРЕМИЯ А.Д. САХАРОВА «ЗА ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО ПИСАТЕЛЯ».

В 1993 году премия была присуждена поэту Борису Чичибабину. В 1994 году премию имени академика Сахарова не вручали, а в 1995 году ее получили сразу три лауреата: Семен Липкин, Лев Разгон и Юрий Давыдов.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ РОССИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В 1993 году Госпремию по литературе получили: Фазиль Искандер, Дмитрий Лихачев, Лев Дмитриев (посмертно) и Олег Чухонцев. В 1994 году Госпремией были награждены Михаил Гаспаров, Юрий Левитанский и Лидия Чуковская. А в 1995 году литературную премию от государства получили: Виктор Астафьев, Александр Кушнер, Александр Панченко, Григорий Поженян и Дмитрий Волкогонов (посмертно).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ БУКЕР

Лауреатами литературной премии Букер стали: в 1993 году – Владимир Маканин («Стол, покрытый сукном, с графином посередине»), в 1994 году – Булат Окуджава («Упраздненный театр»), а в 1995 году – Георгий Владимов («Генерал и его армия»).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ МАЛЫЙ БУКЕР

Малая Букеровская премия присуждалась всякий раз в новой номинации, а объем вознаграждения составлял 3000 долларов США. Лауреатом 1993 года стал Виктор Пелевин с книгой «Синий фонарь» («лучший сборник рассказов»). Лауреаты 1994 года: журналы «Родник» (Рига) и «Идиот» (Витебск) («лучшие литературные журналы ближнего зарубежья на русском языке»). В 1995 Малый Букер был присудили «Волге» (Саратов) («лучший провинциальный журнал России»²⁵).

---

²⁵ Однако, и это не помогло: спустя 5 лет, в августе 2000 года, вышел *последний* номер журнала «Волга», – редакция журнала не сумела справиться с законами рынка.

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

ПРЕМИЯ «СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА»

В 1994 году в Петербурге, была учреждена новая, несколько неожиданная, премия, которая присуждается за литературное произведение на русском языке *опубликованное в Санкт-Петербурге*. Премия вручается в 5 разделах: поэзия, проза, публицистика и критика, а также – книгоиздание. Специальная комиссия в течение года анализирует *петербургскую литературу* и выдвигает наиболее талантливые произведения. После предварительного отбора, в каждом разделе премии остается по 7 претендентов. Голосование происходит в два этапа, по «пушкинской схеме»: «семерка» превращается в «тройку», а затем – в «туза». Голосование происходит анонимно, тексты не обсуждаются. Лауреатам вручают бронзовую статуэтку (скульптор Г. Ястребенецкий) и денежное вознаграждение. Вручение премий происходит в день рождения А.С. Пушкина (по новому стилю) – 6 июня. Первые лауреаты «Северной Пальмиры»: в 1994 – А. Кушнер, Ф. Розинер, Ф. Лурье, издательство «Феникс»; в 1995 – В. Дроздов, А. Битов, Б. Парамонов, издательство «Пушкинский фонд»;

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУШКИНСКАЯ ПРЕМИЯ РОССИИ

Данная премия учреждена в июне 1994 года Указом Президента РФ в ознаменование 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина «за создание наиболее талантливых произведений в области поэзии». Премия присуждается на конкурсной основе ежегодно с 1995 года Президентом РФ по представлению Комиссии по Госпремиям в области литературы и искусства при Президенте РФ.²⁶ Первым лауреатом премии в 1995 году стал Владимир Соколов (1995).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АНТИБУКЕР

В 1995 году «Независимой газетой» была учреждена премия Антибукер как «истинно русская литературная премия» в противовес иностранной Букеровской. В свой первый год Антибукер имел лишь одну номинацию.

---

²⁶ Выдвигают кандидатов федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, общественные объединения, учебные заведения, а также редакции газет и журналов. Произведения, представленные на премию, рассматриваются специальной секцией в составе Комиссии по Госпремиям РФ. Денежное вознаграждение премии составляло 400-кратный МРОТ, в 1999 году увеличено до 1600 МРОТ.

<...> если букеровский лауреат выбирается за произведение, вышедшее в прошлом году, то «антибукеровский» – за произведение, опубликованное в текущем году, то есть «Антибукер» – это самая «оперативная» литературная премия года. Заседание первого жюри премии «Антибукер» проходило в обстановке строгой секретности <...>. В итоге голосования (простым большинством) жюри присудило первую в истории России премию «Антибукер» молодому московскому прозаику Алексею Варламову.²⁷

НОВЫЕ ИНСТАНЦИИ

АКАДЕМИЯ АРС

В 1995 году Литературным институтом им. А.М. Горького, Институтом русского языка им. А.С. Пушкина и Международным сообществом книголюбов была учреждена Академия российской словесности (АРС). В Уставе АРС было указано, что ее цели состоят «в защите русского литературного языка, в поддержке просветительских и нравственных тенденций в книгоиздании, в консолидации всех здоровых творческих сил и в укреплении общей духовности всего современного российского общества». Среди ста ее действительных членов и членов-корреспондентов находятся писатели (Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, Г. Горбовский, А. Ким, В. Личутин, В. Марченко, С. Михалков, В. Распутин), критики (Л. Аннинский) литературоведы и языковеды, редакторы и издатели, а также политики (Г. Зюганов, Г. Селезнев) и даже митрополиты Русской Православной Церкви Кирилл и Питирим. Почетный президент Академии – В. Розов, президент – Ю. Беляев, вице-президентами в разное время были: А. Зиновьев, В. Костомаров и др. Надо сказать, что шумиха, поднятая вокруг Академии в момент ее создания, вскоре утихла и особо активной деятельности или заметного влияния на литературный процесс России данная Академия в дальнейшем не проявила.

ДРУГИЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН «КЛАССИКИ XXI ВЕКА»

Проект Руслана Элинина «Классики XXI века», задуманный давно и включавший в себя идеи издательской программы и литературного салона, начал воплощаться: 25 мая 1994 года открылся салон «Классики XXI века».

---

²⁷ «Независимая газета», № 10 (69) от 15 июня 2001 г.

«Классики XXI века» – первый опыт литературного салона в Москве. Он появился <...> когда ни о каком XXI веке никто не задумывался, кроме его основателя Руслана Элинина <...> считавшего себя прежде всего культуртрегером, <...> организовавшего свой салон-бар в Чеховской библиотеке. В «Классики XXI века» стал ходить весь цвет московской литературы, от мэтров, вроде Еременко и Сапгира, до модной молодежи, вроде Воденникова и Звягинцева. Провинциальные писатели планировали свои поездки в столицу так, чтобы захватить четверг – клубный день в «Классиках». Попав к Элинину и Пахомовой в 1994 году, я поняла: вот это и есть Настоящая Литературная Жизнь. Руслан создал вокруг себя атмосферу игры «до полной гибели всерьез» <...>. Без него место утратило богемную ауру, но стараниями Лены Пахомовой приобрело статус классического (что на пороге XXI века, в общем, закономерно). Хозяйке салона удается собирать в нем самую широкую публику – благо место в центре, с буфетом, репутацией и программой, которую хочется назвать «просветительской»: Лена пытается охватить в ней весь спектр текущей словесности, планирует создать большой каталог современных писателей и превратить «Классиков» в компьютеризированный культурный центр. Элинин и Пахомова были среди первых, кто начал издавать современных писателей.²⁸

Салон «Классики XXI века» стал «первой ласточкой» грядущего расширения литературного поля и тотального изменения форм бытования литературы, но тем значительнее его раннее появление и тем существеннее вклад в дело реформ.

ИНТЕРНЕТ

Пожалуй, наиболее интригующий пример совершенно нового медиума дал, так называемый, «виртуальный бум», дошедший к 1993 году и до России. В это время, в общих чертах, возникла и начала бурно расти, буквально «не по дням, а по часам», русскоязычная часть Интернета. Парадокс быстрого развития Интернета, базирующегося, как минимум, на определенном уровне материального достатка, в России, страдающей хронической финансовой депрессией, – более чем очевиден. Несмотря на это, в рекордно короткий срок было создано и адаптировано к русской ситуации весьма автономное новое информационное пространство, сразу получившее гибридное название РуНет (от слов «русский» и net – сеть). Очевидно, такое выделение русского сектора во всемирной сети было необходимо не только для того, чтобы отметить особую работу русских программистов по кодированию русского языка для читаемости сетевых страниц,²⁹ но и за тем, чтоб

²⁸ О. Кузнецова, «Лена Пахомова и «Классики XXI века», цитируется по сетевой публикации, адрес: <http://www.glazychev.ru/alternativa.msk.ru/neo/litera/99328-33.html>.

²⁹ Напомню, что изначальные общения русскоязычных пользователей в сети происходило на русском языке, записанном латиницей, то есть, люди общались «primerno takim obrazom». Вскоре был разработан стандарт сетевой кодировки КОИ-8, (или КОИ-8 – код обмена информацией, 8 битов, автор разработки – А. Чернов). Кодировка КОИ-8-R (то есть, КОИ-8–русский) с 1993 года стала стандартом для русской кириллицы (в юниксовых операционных системах и электронной почте). Появился и международный Unicode (стандарт кодирования символов, позволяющий представить знаки практически всех письменных языков) и стандарт UTF-8 (Unicode Transformation Format) с полной интеграцией русского языка, позволяющий большинству браузеров распознавать и оптимально отображать русскоязычные сайты.

подчеркнуть специфичность русского сектора сети, изначально имевшего отличия от общепринятого характера развития сетевого пространства и сохраняющего некоторые свои уникальные черты до сих пор.

Дней рождения у русскоязычного Интернета, собственно, два: первым считают 19 сентября 1990 года, когда был зарегистрирован домен верхнего уровня .su (от английского – Soviet Union, – Советский Союз). Этому предшествовала гигантская работа, в рамках которой, 1 августа 1990, была основана компьютерная сеть Релком (от RELiable COMmunications – надежные связи) на базе научно-исследовательского центра Курчатовского института. В создании сети принимали участие специалисты кооператива «Демос», большинство которых было также сотрудниками Курчатовского института. Уже к концу 1990 года было подключено около 30 организаций из разных районов СССР, среди которых были научные центры в Дубне, Серпухове, Санкт-Петербурге, Новосибирске и т.д. Сеть того времени базировалась только на технологии электронной почты, причем с возможностью переписки и на русском языке. Наиболее популярным сервисом в этот период являются дискуссионные почтовые группы Usenet, поскольку www (всемирная паутина) ещё не создана. Вторым, и ныне официальным, днем рождения Рунета считается 7 апреля 1994 года, когда в международном центре InterNIC (The Internet's Network Information Center) был зарегистрирован национальный домен верхнего уровня .ru для Российской Федерации. В том же году был запущен и первый русский www-сервер: www.rclcom.ru. Летопись Рунета специалисты и ведут с конца 80-х годов XX века,³⁰ но рамки данной работы налагают ограничения, поэтому история новой среды (кратчайшая), или агента-носителя, представлена здесь только в связи с некоторыми важными проектами литературы и литературным полем в целом.

В ноябре 1994 года в сети появилась первая полнотекстовая электронная русская библиотека, которая позже стала крупнейшей и наиболее посещаемой из сетевых библиотек, – «библиотека Мошкова» (www.lib.ru).³¹ Создатель этой библиотеки, Максим Мошков, помнит первые годы так:

Я интернет открыл в 1993-м. WWW – в 1994. <...> древней статистики у меня не

³⁰ См. например: Евгений Горный, «Летопись русского Интернета: 1990–1999». Электронная версия исследования находится по адресу: <http://netslova.ru/gorny/rulet/>.

³¹ «В марте 2000 года эта библиотека содержала уже около 25.000 текстовых файлов, общим объемом 1300 Мб, что на порядки превосходило аналогичные западные проекты», – Е. Горный, «Летопись русского Интернета: 1990–1999» (<http://netslova.ru/gorny/rulet/>).

сохранилось. А там были ну совсем забавные цифры. Например 13 посетителей в месяц. Потом – 18 ... 36 – о счастье!³²

В феврале 1995 в интернете появилась первая русскоязычная литературная игра – «Буриме», она же стала первой полностью интерактивной страницей РуНета. Ее автор – Дмитрий Манин, открыл в конце марта 1995 года Жалобную книгу «Буриме», которая стала первой русскоязычной «доской объявлений», где пользователи могли обмениваться репликами *непосредственно* на сайте. Второй интерактивный русскоязычный литературный проект был запущен 10 октября 1995. Он назывался «РОМАН» и стал «первым опытом сетевой прозаической литературы (которую вскоре стали называть «сетературой»)».³³

В марте 1995 года появилась и первая русскоязычная электронная версия «бумажной» газеты, ее сделала и разместила в сети «Учительская газета».³⁴ А в октябре появился первый каталог ссылок «Русская литература в Интернете» Алекса Фарбера (Германия) – систематизированный перечень литературных ресурсов и прессы в сети.

Первые русские книги, которые я увидел в Сети, были книги Стругацких, и я им ужасно обрадовался, так как скучал по русскому языку здесь в Германии. Потом нашел еще пару и захотел создать список русских книг в Интернете. Газет тогда почти не было – когда они начали появляться, я был им особенно рад. В этом и состоит привлекательность моего собрания ссылок «Газеты и журналы» (во всяком случае для меня самого) – это не ссылки на однообразные персональные или фирменные страницы, а на ежедневно обновляющуюся информацию и причем на русском языке. <...> они [ссылки – МК.], в основном, из трех источников: USENET: каждый день я читаю soc.culture.russian и relcom. (часто интересная информация находится не в письме, а в сигнатуре – новые адреса и шутки: «Дайте таблеток от жадности и побольше»), WWW: ссылки и особенно weblist.ru <...> я особенно рад – когда мне присылают новые газетные или литературные адреса по e-mail.³⁵

Спустя месяц, 8 ноября 1995 года, в сети появился первый сайт «устного народного творчества» – «Анекдоты из России». Страница проекта была устроена так, что посетители могли рассказать остальным читателям анекдот или историю. Позже у каждого анекдота появился шаблон для голосования, где посетители могли оценить шутку. На основе этих оценок формировался рейтинг «лучших за неделю», «за месяц» и т.д. «Анекдоты из России» – любительский личный проект Дмитрия Вернера, находившегося в то время в США астрофизика из России,

---

³² Из серии бесед «Говорят классики Русской Паутины» (1997), интервью с М. Мошковым (<http://web.archive.org/web/20071029142559/http://www.kulichki.com/classic/moshkow.htm>).

³³ Посетители сайта РОМАН могли непосредственно участвовать в написании интерактивного романа. Создатели проекта: Роман Лейбов (Эстония) – концепция и исходный текст, Леонид Делицын и Дмитрий Манин (оба находились в тот момент в США) – программирование.

³⁴ Адрес: <http://www.ug.ru/>.

³⁵ Из серии сетевых бесед «Говорят классики Русской Паутины» (1997), интервью Д. Попова с А. Фарбером (<http://web.archive.org/web/20000915100234/http://www.kulichki.com/classic/farber.htm>).

вскоре стал одним из наиболее популярных в русском Интернете сайтов.

Первые полгода я делал страницу безо всякой поддержки и обратной связи. Посещало ее тогда в среднем человек пять в день – мои приятели, знавшие о странице от меня, и интернетовские странники, неизвестно как ее обнаружившие. Потом я увидел на странице Алекса Фарбера «Русская литература в интернете» призыв – если на вашей странице есть хотя бы несколько слов по-русски, пришлите мне адрес. Я и прислал. Алексу моя страница понравилась, и он поместил на нее ссылку со своей. После этого произошел резкий скачок, и мою страницу стало посещать сразу более ста человек ежедневно. Кроме того, Алекс Фарбер бескорыстно поделился своими программами, переводящими русские тексты из одной кодировки в другую, и терпеливо объяснил, как их установить. <...> огромная поддержка – это письма, которые я получаю со всего света, от Финляндии до Южной Кореи и от Новой Зеландии до Доминиканской республики.³⁶

Однако, малые словесные формы творчества, типа анекдот или история, удовлетворяли далеко не всех, русский литературоцентризм быстро прокладывал себе путь в сеть. На ftp-серверах и в архивах телеконференций Юзнета начали скапливаться литературные тексты, и уже не только фантастика и классика, но и совершенно новые литературные произведения, авторы которых были либо участниками и строителями нового ресурса, либо родственниками, друзьями и знакомыми этих строителей. В воспоминаниях первых пользователей юзнета о начале Рунета нередки замечания о высокой степени присутствия литературы в дискуссиях: «в конференциях кипела активная литературная жизнь. При этом многие предпочитали публиковать свои стихи и прозу под псевдонимами».

Весной 1995 года, вдохновленный идеей Д. Карлсона (графический сетевой дизайнер из Америки, в 1994 году он создал в сети альманах eSCENE, собравший «лучшие американские рассказы Интернета»), геофизик Леонид Делицын, живший тогда в Мэдисоне, задумал нечто похожее и для русскоязычного сектора:

В апреле 1995 года Леонид Делицын, сам не чуждый писательства, решил собрать и упорядочить литературные тексты, опубликованные в конференциях soc.culture.soviet и soc.culture.russian – так появился первый русский литературный журнал DeLitZine, располагавшийся на сервере Висконсинского университета, где Делицын в то время писал диссертацию по геологии. В июне следующего года на базе этого журнала, при активном участии Алексея Андреева – математика и поэта, тоже в то время учившегося в США, был создан конкурс русской онлайн-литературы «Тенета». В оргкомитет конкурса вошли почти все активные на тот момент русские интернетовцы <...>. Примечательно, что формирование русского сетевого сообщества произошло именно по поводу литературы – при том, что большинство участников были представителями естественных наук и ни один являлся профессиональным литератором.³⁷

Надо заметить, что этот «первый электронный сетевой русскоязычный журнал» –

³⁶ Из серии сетевых бесед «Говорят классики Русской Паутины» (1997), интервью Д. Попова с Д. Вернером (<http://web.archive.org/web/20000915100103/www.kulichki.com/classic/verner.htm>).

³⁷ Евгений Горный, «Виртуальная личность как жанр творчества» (На материале русского Интернета), материал опубликован на сайте «Сетевая Словесность» в разделе «Теория сетературы» (<http://www.netslova.ru/gorny/vl.html>).

сайт DeLitZyne – действительно, не имел бумажной версии и существовал исключительно в сети, но выглядел он как длинный список, где вперемешку были помещены как сами литературные произведения (обычно 1-2 стихотворения), так и ссылки на литературные тексты и ресурсы, а также фотографии самого Делицына и его друзей и близких, личные данные и т.д.. Остроумное название сайта DeLitZyne (образованное из фамилии автора в одном из английских написаний), своей квази-аббревиатурностью графики намекало не только на литературную – Lit(eraire) – ориентацию сайта, но и на его предполагаемую периодичность – от английского (maga)Zyne – журнал. Из-за суггестивности названия, сайт DeLitZyne в воспоминаниях современников и фигурирует как «первый русский литературный журнал». В реальности, никакой периодичности в его выпусках не было, как не было и журнальных подборок литературных текстов (за исключением нескольких стихов). Сайт не особо отличался от большинства «собраний ссылок» того времени, но энтузиазм Делицына не пропал даром; сама идея, и личный вклад Делицына в литературный процесс РуНета воплотились буквально в следующие годы.

Интернет в целом, и литературный РуНет, в частности, развивались в последующие годы беспрецедентно бурно, как ни один литературный носитель до интернета. Возникшее вскоре взаимовлияние и взаимозависимость между бумажной и виртуальной формами литературного процесса в русском секторе сети беспримерно (в мировых масштабах) усиливались.

ГЛЯНЕЦ

В период зарождения и стремительного взросления РуНета, в России появился еще один – абсолютно новый и неожиданный – медиум. Весной 1995 года в Москве, под руководством голландского журналиста и предпринимателя, приехавшего в Москву еще в 1989 году, Дерека Сауэра, появились первые, так называемые, «глянцевые» журналы, ориентированные на потребителей с высокими доходами и финансируемые за счет рекламы. Команда Д. Сауэра начала с перевода на русский язык и адаптации к российским условиям таких всемирно известных журналов досуга, как «Космополитэн» и «Плейбой», и вывела эту «сладкую парочку» на рынок России. Появившись впервые на русском языке, «Playboy», как новый медиум, принес и свой message для разных социальных групп «открытого сообщества». Для продвинутых читателей «Playboy» был

журналом, где впервые опубликовали известный манифест Лесли Фидлера³⁸, а для обычного, среднего читателя русский «Playboy» окончательно сломал табу на эротику. В конце 80-х, как известно, «секса в СССР не было»,³⁹ а само слово эротика носило близкий к pejоративному характер и граничило с изменой родине. Разумеется, в 1995 ситуация уже изменилась, но не так радикально, как может показаться издали. Например, А. Битову, опубликовавшему тогда же в журнале «Playboy» свой рассказ, было не раз высказано общественное порицание, но не за качество или тематику текста, а именно за избранный медиум. «Интеллигентнейший человек – и вдруг в этот полупорнографический журнал!» – вспоминает те старые реплики Лев Данилкин (один из бывших редакторов журнала). Размышляя на тему «Литература вне литературных изданий» в «Знамени» (№5, 1999), Данилкин рассказал и о профессиональных секретах:

По какому принципу отбирается рассказ для моего журнала? Я всегда говорю этим писателям: чтоб типа Пелевина. (В голове у меня, правда, сидит другой стандарт – что-то вроде «Повестей Белкина». Я бы с удовольствием напечатал сейчас «Метель» или «Выстрел» – они абсолютно не протухли; <...> – пушкинские повести очень подошли бы для журнального формата). <...> Нам не очень нужна литература. Нам нужна рубрика «литература». <...> дело в общем настрое журнала: в основе плейбоевского рассказа обычно лежит байка, анекдот, который ты можешь пересказать приятелю. <...> Пелевин – достижение этого журнала. Три рассказа! Сорокин, Мамлеев, Веллер, Михаил Новиков, Вячеслав Курицын... Владимир Тучков вот будет. Мы отродясь не напечатаем Клеха. Ни Клеха, ни Солженицына, ни Доценко. Они принципиально нам не подходят. Самое принципиальное отличие «Playboy» от литературных толстых журналов в том, что за рассказы здесь платят деньги, такие, на которые можно жить.

Подчеркну, что этот тип журналов досуга, таких привычных и рутинных на западе, до 1995 года был практически не знаком русскому читателю, что создало весьма специфическую нишу, так удачно и своевременно занятую командой Д. Сауэра. В кризисной России середины 90-х, «глянец» крайне быстро сформировал свою группу читателей и обрел собственное «место под солнцем» на ее рынке. Изначально «Playboy», выходил тиражом в 100 тысяч экземпляров, и он не был одинок. По примеру журнала «Playboy», начало формироваться целое семейство «новых-русских-глянцевых». Это уже были журналы чисто российского происхождения, не имевшие своих двойников на западе. В свое время наиболее популярны были журналы «Матадор» (начальный тираж 30.000) и «ОМ» (тираж 70.000). По раскупаемости они оставляли далеко позади толстые литературные журналы. Русские «глянцевые» сразу и ничуть не менее охотно, чем их

³⁸ «Пересекайте границы, засыпайте рвы», 1969.

³⁹ Фраза «простой советской женщины» из самого первого телемоста СССР–США, насмешившая всех участников и всю страну советских зрителей, и ставшая впоследствии легендарной.

заграничные прототипы, начали публиковать короткую прозу «новой волны». Известный литературный критик и «пропагандист» постмодернизма в русском варианте, Вячеслав Курицын, бывший одно время и литературным редактором «Матадора», утверждал что на тот момент: «Вне литературных изданий» <...> располагается 99 или, хорошо, 88% литературы». ⁴⁰

Следует подчеркнуть, что «открытое постсоветское сообщество», так охотно покупавшее эти (весьма дорогие) журналы – ориентированные, как известно, на формулу материального успеха – демонстрировало полную внутреннюю неготовность к восприятию самого «дискурса материального успеха». Данные социологов показывали, что российское понимание «успеха» в тот период качественно отличалось от стандартного западного: если западные читатели «глянцевых» были твердо ориентированы в реальности, то русские читатели «коммерческих красот» традиционно стояли на позициях, мягко говоря, советского романтического идеализма; и тем не менее, именно из них – условных романтических идеалистов – формировалась парадоксальная референтная группа первых покупателей «глянцевых» журналов.

* * *

За три напряженных года, в литературном поле России произошли самые радикальные изменения. С активной сцены действий не только исчезли (как, например, СП и его модификации) или коренным образом и навсегда изменили свой статус (как, скажем, толстые литературные журналы, бывшие «диктаторы литературных мод») исторически привычные инстанции, имевшие в протяжении всей истории СССР самое решительное влияние на весь русскоязычный литературный процесс, но и появились, порой весьма неожиданные, новые инстанции литературой власти, становившиеся влиятельными в самые сжатые сроки. Это были не только новые журналы или издательства, но также и разные иные агенты поля, как например, независимые клубы и салоны, изменявшие модус бытования литературы в обществе, или интернет и глянец, ощутимо влиявшие на «формат» литературных текстов. Все эти новые агенты и их взаимосвязи в поле заставили в последствии считаться с собой всех участников литературного процесса в целом. Выросла общая масса новой литературы и новой критики, а также изменились их качественно-количественные параметры.

---

⁴⁰ Журнал «Знамя», №5, 1999.

Начиная с 1993 года все ошутимее теряли влияние (или исчезали) привычные элементы советского периода, уступая место новым. Период 1993-1995 можно назвать периодом сверхскоростной гибридизации советских и постсоветских элементов поля с совершенно новыми явлениями (порой характерными для запада, а иногда и вовсе ранее в истории планеты неизвестными, как тот же интернет). Высокая акселерация всех этих процессов привела к тому, что к середине 90-х, новые явления литературного поля в России взяли верх. С 1995 года советские элементы и агенты поля (такие как влияние Союза писателей и т.п.) совершенно исчезают. Реформы русского литературного поля, начавшиеся в 1985 году, к концу 1995 года, в целом, были завершены, результатом их стало новое автономное литературное поле России.

***

V.2. ЛИТЕРАТУРА

«Реализм, иностранцы, модернизм, притчевость, историко-архитектурные символы, экзистенциализм, самоирония, убийства, деревенские пейзажи, соль, перец и борхес – по вкусу».

А. Немзер, Взгляд на русскую прозу в 1995 году.⁴¹

После 1991-1993 годов, революционно-обильных и ярких, с точки зрения новых имен и литературных текстов, последовавший за ними период (с конца 1993 и до 1995 года) может показаться серым и тяжелым. Разумеется, тяжесть и отчаяние от распада социально-экономических основ и политической нестабильности в стране не могла не сказаться как на литературном поле, в целом, так и в самой литературе. Сам процесс, конечно, продолжался, но не размеренно и последовательно, а с пробуксовками и рывками. На месяцы задерживались, а иногда и вовсе не выходили, книжки традиционных литературных толстяков:

Журналы опаздывают. Вряд ли уложатся в календарный стандарт последние номера «Знамени», «Октября» и «Волги». Не видать последних питерских ежемесячников. Только до июльской книжки добралась «Дружба народов». Плоховато с «Уралом» (вышли NN 1, 2/3, 5, 7). <...> Долго будет тянуться литературный 94-й; к весне только лягут на магазинные полки книги с новой цифирью: 1995.⁴²

Но если традиционные инстанции, (вос)создававшие и тянувшие весь литературный процесс, запаздывали и пробуксовывали, то различные свежие начинания в сфере новых литературно-художественных журналов, блеснув, нашумев и изменив границы поля, просто исчезали. Так в 1994 году прекратили свое существование, среди прочих, литературные журналы «Согласие» (1991-1993) и «ВНЛ»,⁴³ альманах «Конец века»,⁴⁴ «Новая литературная газета» (возникла и исчезла в 1994) и т.д. Можно привести и контр-примеры, пусть немного, но – важные: например, с 1994 года начал издаваться журнал поэзии «Арион» – первый и единственный в стране «толстый», целиком поэтический, журнал, продолживший выходить и 15 лет спустя.

---

⁴¹ Газета «Сегодня», 23 декабря 1995 года.

⁴² Андрей Немзер, *Взгляд на русскую прозу в 1994 году*, газета «Сегодня», 24 декабря 1994 года.

⁴³ По словам создателя и редактора ВНЛ, М. Берга, издание прекратилось, во-первых, по финансовым причинам, а во-вторых, потому, что журнал «выполнил ту задачу, которую должен был выполнить: познакомил читателя с несколькими литературными направлениями».

⁴⁴ Независимый литературный альманах, выходил с 1991 по 1994 под редакцией Александра Никишина. Среди особо заметных публикаций альманаха – «Ждите: Книга стихов» Л. Губанова (1992), первая публикация романа «Сердца четырех» В. Сорокина (1994), «Лимонов против Жириновского» Э. Лимонова (1994) и др.

Наряду с задержками и исчезновением журналов, на пути литпроцесса стояли и другие преграды, и главной было, конечно, резкое обнищание широких читательских масс: на вышедшие книжки и журналы у подписчиков и читателей розницы в 1993-1995 годах все чаще попросту не хватало денег. Тем не менее, литературный процесс России, не остановленный, в свое время, даже кровавыми революциями и войнами, остановить и за эти 2-3 года – относительно мирных – постперестроечных пертурбаций также не удалось. И пусть за этот период не было открыто новых ярких имен, зато уже известные, как старые, так и совсем недавно вошедшие в общее поле, литераторы, в основном, продолжали свое дело.

Из наиболее заметных крупных вещей традиционной направленности этого периода следует назвать два военных романа, вышедших почти одновременно в 1994 году: «Генерал и его армия» Георгия Владимова⁴⁵ и «Плацдарм» Виктора Астафьева (2-я часть трилогии «Прокляты и убиты»). Роман Г. Владимова буквально разорвал надвое культурное сообщество постсоветской России. Никто, от литературно-критических и профессионально-исторических кругов до простых читателей, не остался равнодушным. Поскольку центром повествования романа является судьба генерала Власова (и немецкого генерала Гудериана), то один лагерь обвинял автора в «возвеличивании предателя Власова и вражеского генерала», в «очернении славных страниц нашей истории», «клевете на Советскую армию» и т.п., оппоненты же их считали, что Владимов написал о войне «хоть и горькую, но правду», и что роман этот – «настоящее событие в отечественной военной прозе», ибо по убедительности и психологизму ничуть не уступает «Жизни и судьбе» Василия Гроссмана. Равнодушных не было еще и потому, что автор впервые сдвинул плиту гробового молчания, десятки лет покоившуюся над отдельными эпизодами войны, закрытыми для официальной литературы и истории. Надо добавить, что, расколов литературно-критическое сообщество, роман Владимова, самым своим выходом, его же и объединил: вновь, впервые за долгие годы, почти все агенты поля были заняты обсуждением одного и того же литературного события. В 1995 году роман был удостоен премии Букер – наиболее престижной тогда литературной премии России. Забегая вперед: «Букер десятилетия» в 2001 году также присудили Владимову за его роман.

---

⁴⁵ Напомню, что в постсоветской России Г. Владимов (лишенный в 1983 году, в момент его пребывания в Германии, советского гражданства) вновь начал печататься с 1989, опубликовав в «Знамени» сразу нашумевшую повесть «Верный Руслан».

Виктор Астафьев закончил в 1995 году военную трилогию одноименным романом «Прокляты и убиты». Напомню, что первая часть трилогии – роман «Чертова яма» (опубликованный в конце 1992 года) – номинировался в 1993 году на премию Букер и, войдя в короткий список финалистов, принес автору 1 тысячу долларов, выдаваемую каждому из финалистов русского Букера. В 1994 году Астафьев, только что опубликовавший свой «Плацдарм», был удостоен премии «Триумф» за «выдающийся вклад в отечественную культуру». И, наконец, в 1995 году, за свой только что оконченный военный роман-трилогию «Прокляты и убиты», Виктор Астафьев получил Государственную премию России.

Продолжали активное участие в литературном процессе и такие, давно и хорошо известные самому широкому читателю, литераторы, как: Чингиз Айтматов (Тавро Кассандры), Василий Аксенов (Московская сага), Андрей Битов (Ожидание обезьян), Анатолий Ким (Онлирия), Владимир Маканин (Стол, покрытый сукном и с графином посередине и Квази), Булат Окуджава (Упразднённый театр), Анатолий Рыбаков (Прах и пепел) и др.

Как уже говорилось, роман В. Маканина «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» получил литературную премию Букер 1993 года, а Букер 1994 года был присужден Булату Окуджаве за его автобиографический роман «Упразднённый театр». Учитывая высокую престижность Букера, имеет смысл взглянуть и на остальных его финалистов в рассматриваемые три года. Их общий список в хронологическом порядке таков: Олег Ермаков (Знак зверя), Семен Липкин (Записки жильца), Валерия Нарбикова (Около Эколо),⁴⁶ Людмила Улицкая (Сонечка), Петр Алешковский (Жизнеописание Хорька), Юрий Буйда (Дон Домино), Игорь Доляняк (Мир третий), Ольга Славникова (Стрекоза, увеличенная до размеров собаки),⁴⁷ Михаил Левитин (Сплошное неприличие), Алексей Слаповский (Первое второе пришествие), Олег Павлов (Казенная сказка), Евгений Федоров (Одиссея Жени Васяева).

Приведенный список, при всей своей условности, демонстрирует одну важную черту рассматриваемого периода: гибридизация. Процесс гибридизации, – то есть, скрещивания особей и явлений, относящихся к различным линиям (видам, сортам, породам, родам и т.д.), в данном случае, сведение их в одно

---

⁴⁶ Правда, В. Нарбикова из списка финалистов, перед самым его объявлением, была удалена.

⁴⁷ О. Славникову тоже удалили из окончательного списка финалистов перед его объявлением.

пространство, в единую обойму, к примеру, в список «финалистов Букера», – это именно то, что с невиданной интенсивностью происходило тогда в русской литературе. Скрещивание и смешение всех со всем и всего со всеми случалось буквально на каждом уровне и в каждом уголке и слое литературного процесса. Примеры полисемантических гибридов⁴⁸ в литературном поле новой России того периода настолько всеобъемлющи, что затруднительно было бы привести, скорей, противоположные примеры – чистого вида – какого-либо явления, агента, позиции, инстанции или деятельности. Приведу лишь несколько, наиболее красноречивых, примеров.

Еще буквально за 2-3 года до рассматриваемых событий невозможное, а в 1993-1995 уже вполне мирное соседство (в новейшей «обойме») одного из наиболее видных писателей-деревенщиков советского времени и консервативного патриота времени постсоветского Виктора Астафьева, например, с Юрием Буйдой (которого критики в 1995 году называли «самым «крутым» из новых»),⁴⁹ или рядом с «L'Enfant terrible русской литературы» – Владимиром Сорокиным и Георгием Владимовым (эмигрантом поневоле, некогда лишенным советского гражданства). При том, что это соседство – в многолетнем списке финалистов Букера – оказалось единственно возможным, благодаря премии (западной по происхождению и «буржуазной» по определению патриотов и недавних советских времен), придуманной для русских «тружеников пера» английским аристократом. Интересен и такой, немало в свое время нашумевший эпизод, быстро ставший «примером для подражания»:⁵⁰ один из признанных писателей-интеллектуалов России – Андрей Битов – в 1995 году писал для первого русскоязычного эротического журнала «Плейбой» заказной роман, создавая его, главку за главкой, непосредственно перед публикацией, или, как говорится, «в реальном времени». Роман назывался «Мой отец в раю».

Подобные «странные сближенья» и скрещивания «далековатых идей»,

---

⁴⁸ Гибрид – явление, полученное в результате скрещивания разнородных в генетическом отношении родительских форм: видов, пород, линий и т.п.

⁴⁹ Л. Аннинский, «Так чем же все это кончилось?», «Новый Мир» №2, 1995.

⁵⁰ Другие примеры гибридизации литературных текстов с необычными носителями: Владимир Войнович, почти полтора года, еженедельно, печатал кусочки своей «мыльной оперы» «Новые русские» в газете «Аргументы и факты»; Владимир Сорокин свою «поэму в прозе» «Месяц в Дахау» опубликовал в еженедельной газете «Сегодня» (1994, № 13); Людмила Петрушевская отдала две сказки в глянцевый журнал для женщин «Космополитен»: «Глупая принцесса» (№3, 1994, через 2 года эта же сказка была перепечатана в журнале «Октябрь») и «Остров летчиков» (№5, 1995) и т.д.

пожалуй, наиболее характерны именно для рассматриваемого периода, когда старое еще не могло измениться и не хотело уйти с поля, а новое уже не могло молчать, находясь вне поля. Если продолжить биологическую аллюзию, то придется учесть, что процесс гибридизации всегда сопровождается гетерозисом,⁵¹ который выражается в повышении жизнеспособности и более мощном развитии гибридов, обеспечивая им высокую приспособленность к условиям среды и повышение их конкурентоспособности в борьбе за существование. Так оно позже и случилось. Возвращаясь к анализу общей ситуации поля в эти годы, можно отметить несколько основных тенденции в литературе, весьма тонко, но прочно взаимосвязанных: от финального реванша соцреализма, через фантазмы квазиисторизма, к эскейпизму.

СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕВАНШ

В относительном политическом затишье, наступившем после путча 1993 года, тема «Советская власть и литература» неожиданно обрела популярность. Прежде всего, с большой помпой вернулся сам продукт взаимоотношений советской власти с литературой – произведения соцреализма. На прилавках почти одновременно, будто по указу, вдруг появились заслуженные герои «единого культурного метода». Книги выходили самые неожиданные: от многотомных изданий до полных собраний сочинений (как правило, – переиздания) таких наиболее известных (и консервативных) «классиков соцреализма», как Юрий Бондарев, Анатолий Иванов, Вадим Кожевников, Георгий Марков, Петр Проскурин и др. Их книги, стройными рядами и пухлыми пачками появились в 1994-1995 годах на книжных прилавках, как бы самим своим существом отрицая «жесткие законы рынка», уже вполне и повсеместно вступившие в силу. В то же время, работая более-менее в том же русле, своим чередом издают новые вещи в традиционных формах и медиумах, а именно в толстых литературных журналах – Астафьев, Айтматов, Бакланов, Гранин, Ким, Окуджава и др.

Впрочем, были и другие знаки новой эпохи: весьма яркой иллюстрацией к теме «Советская власть и литература» стала выставка 1995 года, проходившая в Центральной библиотеке имени Ленина, при содействии Центрального архива

---

⁵¹ Гетерозис – от греческого heteroíōsis – изменение, превращение. Гетерозис, как правило, означает увеличение жизнеспособности гибридов за счет наследования определённого набора различных генов от своих разнородных родителей.

ФСБ.⁵² Выставка называлась «Книги из личных библиотек граждан, пострадавших от репрессий». Цель этой, наделавшей шуму, выставки была заявлена простая: вернуть владельцам (чаще, – их наследникам) книги, конфискованные у них органами государственной безопасности. Данная акция была беспрецедентной, из хранилищ извлекли издания, попавшие туда в разные периоды советской власти, так что, среди изымателей, помимо КГБ, значились практически все его ранние предшественники. Благодаря (при)открытию некоторых архивов госбезопасности, тогда же увидели свет и различные исследования, посвященные «срыванию масок» с отношений госбезопасности с литературой.⁵³

Наряду с «соцреалистическим реваншем над рынком» (многие тогда еще не осознавали, что это был последний, «финишный рывок» соцреализма) и «покаяния власти перед интеллигенцией», в народе нарастала тоска по привычному, стабильному миру ушедшего СССР. Многим вдруг стало казаться, что соцреализм, советскость в целом, давали читателю (и гражданину) те удивительные качества, которых в новой России стало ощутимо недоставать: пресловутая «уверенность в завтрашнем дне» (своем и государства), надежность и монументальность самой страны, а также основ и уклада жизни и т.п. Потерявшие свое отечество, свой «мужественный Союз», растерянные граждане нового государства начинали осознавать, что их родина теперь – нагромождение неудобочитаемых букв, какое-то невнятное явление нейтрально-среднего рода (СНГ). Тоска по «великому и могучему» породила желание если не вернуть его, то хотя бы ненадолго (пусть – условно) вернуться в ту прекрасную и ужасную атмосферу. Окололитературные знатоки конъюнктуры немедленно сообразили свою выгоду: на рынке стало появляться то, что позже обретет статус «старых песен о главном», сметливые издатели начали выпускать сборники «дворовых», военных, праздничных и «застольных» песен.

Попытки «вернуться во вчера» в самой литературе имели самые разные мотивы: от покаяния до желание окреститься от былого, от стремления перечеркнуть прошлое до радости поглумиться над ним, либо просто зафиксировать

---

⁵² Между прочим, ФСБ получило свое новое имя в апреле того же, 1995, года, будучи переименовано из ФСК, каковым являлось с 21 декабря 1993. Не исключено, что часть «акций доброй воли», таких, как возврат конфискованных книг, раскрытие некоторых архивов и выдача позволений работать в этих архивах исследователям, была попыткой некоторой коррекции имиджа печально известной организации.

⁵³ См., например: «Растерзанные тени: избранные страницы из дел 1920-х – 1930-х гг. ВЧК-ОГПУ-НКВД» С. и С. Куняевых, «В литературных архивах КГБ» В. Шенталинского, и др.

уходящую эпоху и т.д. Буквально десятки литераторов кинулись ловить и увековечивать еще не остывшие «приметы уходящего времени». Художественные тексты соперничали, и нередко проигрывали, историческим дневникам, письмам и подобным изданиям реальных документов человеческих жизней. Заметно много произведений этих лет, вольно или невольно, созданы именно так: балансирующими на грани беллетристики и мемуаров. Контекст произведений на тему «советская власть и ее люди» все более уплотняется к концу 1995 года, а на свет все появляются новые художественные книги, которые читаются уже не иначе, как один из «документов ушедшей эпохи», например: «Трепанация черепа» Сергея Гандлевского,⁵⁴ «Альбом для марок»⁵⁵ Андрея Сергеева и многие другие. Даже сборник (почти всех) сочинений Венедикта Ерофеева «Оставьте мою душу в покое», тоже вышедшая в 1995 году, не воспринималась вне этого контекста.

КВАЗИИСТОРИЗМ

На фоне затянувшейся системной пустоты в политике и в атмосфере упорно педалируемой темы «исторических долгов» в журналистике, публицистике и самой литературе, многие литераторы, стремясь избежать надоевшей личной рефлексии и/ли документализма, обратились к специфично тематизированной истории; этот поиск многих увел и дальше, – к квазиистории. Романы историко-политической тематики, со специфичной авторской окраской, как «Последний солдат империи» А. Проханова, «Стражница» А. Курчаткина или «Всех ожидает одна ночь»⁵⁶ М. Шишкина соседствуют с такими фантазмами «по мотивам истории», как «Первое второе пришествие» А. Слаповского и «Дон Домино» Ю. Буйды (в двух последних звучит эхо метафорического Поезда, пронесшегося в 1993 году по литературе в виде пелевинской «Желтой стрелы»). Пожалуй, наиболее нашумевшим произведением всего периода в данной тематике следует назвать роман «До и во время» В. Шарова.⁵⁷ Роман расколол критику на

---

⁵⁴ В следующем, 1996, году роман получит как «Малый Букер», так и «Антибукер».

⁵⁵ Лауреат «Букера-96».

⁵⁶ Любопытна история с названием этого романа, рассказанная позже его автором: «Это была моя первая публикация в журнале «Знамя». Роман назывался, конечно, «Записки Ларионова». Но когда стали публиковать, Наталья Иванова мне говорит: «Вы знаете, получается, что у нас в одном номере будут «Записки Ларионова» и «Записки гадкого утенка» Григория Померанца. Кто-то должен изменить название» <...> открыла первую страницу и предложила попавшуюся ей строчку из Горация: «Omnes una manet pox». Я обрадовался, решив, что это будет первый русский роман, имеющий латинское название. Когда я открыл вышедший журнал, оказалось, естественно, что роман назван по-русски: «Всех ожидает одна ночь», но было уже поздно».

⁵⁷ Владимир Шаров – историк по образованию, имеющий степень кандидата исторических наук

два громко кричащих лагеря, и, в процессе массы диспутов, был одарен критиками самыми разными, совершенно в противоположности расходящимися эпитетами, вплоть до «исторософского сотрясения» (И. Роднянская). Вышеназванные романы (и многие другие того времени), будучи, разумеется, во многом несхожи, объединяются в главном: в попытке работать с Историей (придумав, перекроив ее по-своему, но все же, – попытаться осмыслить), лично потрогать сам факт ее существования и влияния на человека и его судьбу.

Квазиистория, конечно, жанр в литературе не новый, однако пики его популярности не только говорят сами за себя, но и добавляют кое-чего к пониманию самого «исторического момента» возникновения таких всплесков. Не останавливаясь на 12-томном издании «Избранного» – стабильно выходящем в 1992-1995 годах – невероятно плодovitого соцреалистического квазиисторика Валентина Пикуля, добавлю, что в 1994 году вышел также двухтомник долго молчавшего девятидесятилетнего писателя Леонида Леонова с его романом «Пирамида». И этот, весьма объемистый, роман – также квазиистория, или, в авторском названии, – «роман-наваждение в трех частях»,⁵⁸ над которым Леонов работал 45 лет. В предисловии к роману, О. Овчаренко пишет: «Карандашный его вариант был создан еще до «Русского леса». Отрывки из романа публиковались в СССР в 80-х годах. Леонид Леонов умер 8 августа 1994 года, успев увидеть свой последний, но неоконченный, роман изданным.

ЭСКЕЙПИЗМ-ТЕРАПИЯ

Стремление сбежать от действительности (бессилия, безденежья, кризиса отчужденности, одиночества,) в мир иллюзий и фантазий, – российский эскейпизм середины 90-х годов XX века, пожалуй, совсем не удивителен. Закономерно и его логическое развитие, в частности, появление новых литературных форм. Тоскующий по ушедшему, страдающий в настоящем и панически боящийся будущего, так называемый «массовый российский читатель» приходил к книжным лоткам как в рецептурный кабинет аптеки. Привыкшие и приученные читать, традиционно литературоцентричные, новоиспеченные постсоветские

(1984), работал, в свое время, грузчиком, рабочим в археологической партии, литературным секретарем и т.д. Свой первый роман «Репетиция» опубликовал в 1992 году в журнале «Нева». После скандальной публикации 1993 года в «Новом мире», следующий роман Шарова – «Мне ли не пожалеть» – появился в «Знамени» в 1995 году.

⁵⁸ Главный герой романа – посланный на землю ангел (рабочим названием романа долго было «Большой Ангел»), которого хотят использовать разные темные силы, включая Сталина.

люди искали не только средств, чтобы «культурно забыться», «обливаясь слезами над вымыслом», но и реальных формул выживания на ставшей совершенно незнакомой и непонятной родине. И, внимательные к новому явлению – спросу, бойкие книжники начали в 1993 году (вначале робко, а вскоре все смелее, быстро расширяя ассортимент) предлагать своему массовому читателю «панацею от действительности». Первыми «пилюлями быстрого счастья» стали книги Виктора Доценко⁵⁹ – «Срок для Бешеного» (1993), «Возвращение Бешеного» (1994), «Команда Бешеного» и «Мечь Бешеного» (обе – 1995). Массовый читатель жаждал героев «простых и жизненных», как все вокруг, и Доценко трудолюбиво, из года в год, предъявлял своим читателям именно то, что им в тот момент требовалось. И к нему, удовлетворявшему требованиям и вкусам масс, то есть, – к писателю нового социального заказа, в эти труднейшие годы России, пришел невиданный успех. Всего через три года после выпуска первого романа, Доценко уже мог похвастаться неслыханными (для лежащей в руинах страны) тиражами: 1 миллион экземпляров, – таков был тираж пятого романа про Бешеного. Он писал для «народных масс», и народ платил ему массу денег, поэтому В. Доценко для своего утверждения в поле литературы не нуждался в премиях, званиях, и прочих инстанциях и регалиях литературной власти. Впрочем, он от них и не прятался (в отличие от многих литераторов и традиционных литинституций, презрительно «воротивших нос» от этого богатенького «массовика-затейника от литературы»), как не чурался, при случае, и «поучить жизни» все литературное поле целиком:

Современные молодые писатели пишут слабо и вяло. В их прозе нет сильных характеров, нет страсти и правды, одни только болезненные фантазмагии. Вакансия первого писателя России – свободна.⁶⁰

К концу данного периода на русском рынке уже были представлены все многочисленные модификации «литературы действия» (action) – от кровавых боевиков до мистических триллеров, написанные отечественными авторами. В полку «массово-популярных» новичков прибыло: Андрей Кивинов, Данил Корецкий, Виктор Пронин и т.д. Не отставали и воспрявшие «старожилы жанра»:

---

⁵⁹ Доценко Виктор Николаевич (род. в 1946) – актер, режиссер, сценарист, журналист, литератор. Детство провёл в Омске. Был чемпионом Сибири по многоборью (мастер спорта). Учился в МВТУ им. Баумана, а также на экономическом факультете МГУ и в Высшем экономическом институте Софии (Болгария). Окончил режиссерский факультет ВГИКа. Журналистом был на войне в Афганистане (1979-1980). В 1983 году был арестован и осужден по обвинению в изнасиловании, освобожден в 1988 году. В 1992, в качестве режиссера, Доценко, по собственному сценарию, снял фильм «Тридцатого уничтожить», где также сыграл одну из ролей.

⁶⁰ Интервью с В. Доценко, «Новое книжное обозрение», 1995, № 1.

Юлиан Семенов, Лев Шейнин, Лев Никулин и др. В 1993 году был готов первый самостоятельный текст Александры Марининой (псевдоним Марины Алексеевой), в котором появилась ставшая вскоре знаменитой главная героиня – сыщик-детектив Анастасия Каменская. Скоро вышли и первые книги Марининой, в 1994 году в издательстве «Локид», в 1995 – в издательстве «ЭКСМО». В 1995 же году издательство «Азбука» выпускает первую книгу Марии Семенович (семенович) («Волкодав»), которая проложила широкую дорогу «фэнтези на славянский манер».

Итак, к концу 1995 года в литературном поле России наблюдалось некоторое общее уравнивание литературного процесса. В целом, поле было разделено на две «зоны влияния и владения» по основным политическим лагерям: «демократы» и «национал-патриоты». В общих чертах были установлены и новые «правила игры»: каждый из лагерей имел практически все компоненты для ведения независимой жизни и поддержания субкультурного и subliterатурного процессов. Однако, для ситуаций, обещавших кому-либо улучшение позиции в литературном поле «в особо крупных размерах» (например, вручение премий), лагерями делались любезные исключения. С завершением данного периода, яснее обозначились и результаты гибридизации. В целом можно говорить об успешной адаптации литературным полем России основных элементов западной литературы к концу 1995 года. Как уже существовавшие, так и большое количество новых писателей, критиков, обозревателей, а также новых журналов, издательств, премий, клубов и прочих агентов литературного поля, в целом, постепенно приспособивались к новым условиям существования в рамках свободного рынка и раздробленного общества.

***

V.3 Литературная критика

Одним из множества трагических последствий расстрела Белого дома осенью 1993 стало, среди прочего, углубление той трещины, что, еще в 1990-1991 годах, разделила литературное поле (как и большинство других слоев общества) надвое. Но теперь одним лишь углублением старой трещины между демократами и национал-патриотами не обошлось. Нежелание и/ли неспособность ельцинской власти решать социально-политические проблемы цивилизованным – мирным – путем, оттолкнуло от власти интеллигенцию, в очередной раз наивно поверившую было в «хорошего царя». Интеллигенция была шокирована бессмысленным и кровавым насилием над собственными гражданами со стороны «своей», то есть избранной собственными голосами интеллигенции, власти. К концу 1994 года, после «черного вторника»⁶¹ и очередного акта насилия над людьми,⁶² «роман с властью» умер, – интеллигенция перестала поддерживать власть.

– До недавнего времени существовала <...> достаточно прочная связка демократически настроенного президента, <...> демократической интеллигенции, демократической прессы и других общественных сил, добивающихся политических и экономических реформ. Сегодня она разрушена. Действиями президента <...>. Никогда еще не была столь единодушна в критике действий власти российская пресса.⁶³

– 1994-й действительно обозначил конец безоговорочной демократической поддержки власти, скомпрометировавшей себя «штурмом» Грозного в декабре.⁶⁴

Подобные настроения в рассматриваемый период были характерны для всех слоев интеллигенции в целом, но наиболее заметны они были в ее традиционном центре – среди исторически сложившихся «властителей дум», т.е., – в среде литераторов. Активнейшей же частью литературы, – по крайней мере, в широком, социально вербализуемом плане, – всегда были критики.

Два изначальных лагеря, на которые распалось поле литературы сразу после декретной отмены СССР, – демократы и национал-патриоты, – продолжали дробиться и внутри своих секторов, но большинство этих процессов внутренних дроблений особого влияния на литературное поле долгое время не оказывало.

---

⁶¹ Во вторник, 11-10-1994, резкая, искусственная девальвация рубля привела к катастрофическому росту цен, за 2-3 недели все цены в стране удвоились, отчего правительство страны и экспортеры (например, нефтегазовые компании) весьма обогатились, но рядовые граждане и мелкий частный сектор от обвала рубля ужасающе пострадали: многие предприниматели разорились, а тысячам семей пришлось жить буквально впроголодь.

⁶² Атакой на Грозный 11 декабря 1994 года началась затяжная кровопролитная война в Чечне.

⁶³ О. Лацис, «Чеченская война проиграна в Москве», газета «Известия» от 29.12.1994.

⁶⁴ Наталья Иванова, Хроника остановленного времени, «Дружба Народов», №10, 1998.

Мелкие расколы и слияния внутри сектора патриотов заметного влияния на общее поле литературы не оказывали вообще, зато в секторе демократов, помимо неизбежных расхождений и альянсов, произошло одно, важное для всей литературы, отслоение. От сектора демократов к 1993 году отслоился (а скорее, был выжат внутрисекторным давлением непонимания и неприятия, а также множественными противоречиями, которые и закончились этим отторжением) небольшой, отдельный сегмент, назовем его сегментом «свободных радикалов».⁶⁵

Итак, в поле литературы образовалось три неравных и друг от друга почти независимых, но, в отдельных точках (о которых ниже), прочно взаимосвязанных сегмента, которые условно-логично, в некоем мнемоническом соответствии, можно было бы расположить графически следующим образом:

левые	центр	правые
Распыленная от «демцентра» по маргиналиям небольшая группа «новых радикалов», состояла из ярких индивидуумов (ни в каком объединении не заинтересованных и принципиально к нему не годных). Способные (как учит химия) к независимому существованию, «свободные радикалы», ⁶⁶ будучи ориентированными про-западно, к основным секторам отечественного поля литературы имели постоянный живой и даже порой задорный интерес.	Демократический центр, державшийся умеренных либеральных взглядов. Собственно центр поля занимали люди, озабоченные, в основном и прежде всего, тем, чтобы сохранить имеющийся статус-кво и все свои, с таким трудом завоеванные, демократические права и свободы.	Национал-патриоты, охотно занимающие про-восточную позицию, благосклонные к влияниям «из недр» страны, из глубинки. «Почвенники», с державно-имперскими комплексами и острой, практически никогда не рефлекслируемой, тоской от утраты СССР.

Возрастные характеристики групп распределялись по секторам весьма определенно, слева направо, по возрастающей: самый молодой и небольшой сегмент – «свободные радикалы»; среднего возраста, крупнейший сегмент поля – демократы, а состав сектора патриотов оказался на тот момент превалирующе самого старшего, почти преклонного возраста, и количеством – изначально –

⁶⁵ Хочу оговориться: некоторые общепринятые политико-идеологические определения (такие как, – левые радикалы, крайние либералы, и т.д.) используются мною не в своих устоявшихся стандартных значениях – намеренно; по крайней мере, синтагма «левые (свободные) радикалы» я использую, скорее, исходя из прилагаемого «графического расположения» секторов в поле, а не в смысле традиционно принятой идеологии.

⁶⁶ «Свободный радикал – вид молекулы или атома, способный к независимому существованию (т.е. обладающий относительной стабильностью). Радикалы обладают парамагнитными свойствами <...>. Кроме этого наличие неспаренного электрона способно значительно усилить реакционную способность, хотя это свойство радикалов широко варьирует» (из «Химической энциклопедии»).

сильно уступал центру. В литературных предпочтениях национал-патриоты проповедовали и уповали исключительно на реализм, в самом прямом и буквальном смысле этого слова (со временем, к нему добавляют определение «критический»), впрочем, не чурались они и соцреализма. Умеренные демократы в данный период, были согласны принять к чтению и обсуждению *любой* вид литературы, при условии, что он *уже* был традиционно существующим и более-менее общепризнанным, кроме, разве, соцреализма (который теперь, чаще всего, критиковали и отвергали, как навязанный сверху бывшей советской властью). Постмодернизм демократы центра, наконец, начали признавать существующим, но далеко не все из них, да и те, что принимали, делали это с большими оговорками. Активные разногласия между демократами по поводу именно этого «нового вида» бытования литературы и дало жизнь самой новой группе литературного поля – «свободным радикалам», поскольку те проявляли явный интерес и склонность к исследованию, пропаганде в обществе и воплощению в жизнь постмодернизма.

Отношения между секторами строились таким образом, что патриоты (почвенники или заединщики) в своих изданиях («Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Литературная Россия» и т.д., и, конечно, в наиболее радикальных газетах «День»⁶⁷ и «Завтра») громко хвалили «своих литераторов», монотонно, как бы «за всё», ругали «демократов», но время от времени уделяли внимание и произведениям, написанным литераторами «хотя и от демократов», но зато в стиле более-менее узнаваемого реализма (например, работы Маканина). Литературно-критические статьи в патриотических изданиях были весьма редкими, и они, как правило, скатывались к политико-идеологическим и публицистическим «разборкам». Поэтому особого влияния на общее литературное поле России они не оказывали. Сложившаяся же в данный период новая формация («свободных радикалов»-постмодернистов) была для патриотов либо не видна (через «головы демократов»), либо ими полностью игнорируема. По определению П. Бурдые, такое поведение патриотов означало следующее: совсем не высказываясь по поводу постмодернистов, патриоты как бы устранили их из поля (сознательно или нет, – другой вопрос), в то время как демократы, за счет

---

⁶⁷ В сентябре 1993 года, после указа президента о роспуске Верховного Совета, главный редактор газеты «День» А. Проханов призывал в своей газете «сбросить антинародный режим Ельцина» и поддержать ВС России, поэтому 4 октября 1993 Минюст РФ закрыл газету «День». Через месяц Проханов стал главным редактором газеты «Завтра» (так красноречиво переименовали «День»).

множества своих манифестаций, пусть и негативных (т.е., различных дискуссий, рецензий, статей и т.д., посвященных постмодернизму), своими же руками создавали место для этой самой новой формации, структурируя, тем самым, поле литературы уже с учетом его новых элементов, признавая и сам факт наличия, и, стало быть, право на существование постмодернистов в литературном поле России. Существовал для демократов и патриотический сектор, и даже весьма ощутимо, правда, чаще всего, – в негативных манифестациях:

<...> нынешнюю ситуацию я рискнул бы назвать ситуацией апартеида, то есть, вынужденно совместного, но раздельного проживания двух культур, между которыми нет решительно ничего общего. Никто <...> не обижен, и у патриотов, и у демократов есть свои писательские союзы, газеты, журналы, издательства, своя, наконец, читательская аудитория. <...> ситуация <...> противоестественна уже по определению, но лучшей пока не предложено.⁶⁸

Сектор патриотов принимался демократами, как данность, но это и давало ему место в общем поле литературы, и отводило свою роль в литературном процессе. Критики демцентра изредка рецензировали и/ли просто упоминали в литературно-критических статьях и заметках различных литераторов и новые книги патриотов. И делали это не только в периоды (пред- и пост) премиальных ажитаций, но также и в текущих, обзорных (скажем, подводящих годовые итоги) статьях, включая, таким образом, имена и названия произведений этого сектора в общеполевые структуры, назначая авторам и произведениям идеологической оппозиции свои места и давая им определенные оценки.

Постмодернисты, в свою очередь, признавали существование в поле и патриотов, и демократов, выстраивая свои манифестации таким образом, что иерархическая картина не оставляла сомнений. Приоритет в поле принадлежал постмодернизму и его представителям, с их элитным дискурсом, маргинальными, но весьма разносторонними предпочтениями и стремительностью реакций; демократы составляли основную, массивную и медлительную часть пирамиды (или – для динамичной картины – само «древко стрелы», наконечником которой служил, конечно, постмодернизм, а патриоты как бы мохнатым оперением); патриоты же являлись (т.е., представлялись в манифестациях постмодернизма) одним из специфических объектов, отживающей маргиналией, своего рода кунст-камерой, полной курьезных экспонатов.

---

⁶⁸ С. Чупринин, из диалога с Б. Тарошиной, «Эскалатор», журнал «Согласие», №6, 1993.

Основные межсекторные «контакты» (между патриотами и демократами) происходили в трех основных точках: при номинациях на литературные премии (в частности, – на премию Букер); при публикации в демократическом секторе поля произведений кого-либо из «крупных реалистов» (особенно, недостаточно ангажированного демократами) или же при публикации одного из демократов в патриотическом издании (что тоже, крайне редко, но бывало). Кроме того, – при любой социально-конфликтной ситуации в стране или в поле литературы (скажем, экономические перепады в стране, имущественные тяжбы СП, Литфонда и т.п.), дающей «информационный повод» поругаться. Впрочем, патриоты не гнушались писать о «демократах» и без повода:

Сопутствовавшая исторической битве демократов с заединщиками критическая кадриль все дальше и дальше отъезжала от собственно литературы <...>. В дело пошло все: происхождение, личная жизнь, родственные контакты, внешность, дружеские или приятельские отношения, в общем, был осуществлен тотальный переход на личности. <...> Под рубрикой «Агентство «Дня» с упоением распространялись светские, если можно так выразиться, сведения. Гротескные слухи и сплетни о литераторах противной стороны перемежались с новостями о Горбачеве, Раисе Максимовне, Ельцине, Руцком, – литературные факты сами по себе не представляли интереса, интересно «Дню» было другое: факты (вернее, домыслы) околотитературные.⁶⁹

Взяв, в качестве примера, обзорную работу С. Чуприна «Автопортрет со сверстниками» (написанную еще во времена перестройки),⁷⁰ и рассмотрев ситуацию, сложившуюся вокруг называемых там критиков к 1995 году, мы обнаружим, что основные черты интересующего нас момента окажутся как на ладони. Прежде всего, бывший «молодой литературный критик» Владимир Бондаренко, в 1995 году он – член редколлегии журнала «Наш современник», заместитель главного редактора ведущей патриотической еженедельной газеты «Завтра», выпустивший в 1993 году книгу о лидере патриотов А. Проханове (чьим заместителем и являлся в «Завтра»). В 1995 году вышла другая книга Бондаренко с красноречивым названием «Крах интеллигенции».⁷¹ Таким образом, Бондаренко, в рассматриваемый период, стал ведущим литератором, «номером два» (после А. Проханова) национал-патриотического сектора. Оторвавшись от бывших коллег-сверстников, Бондаренко из поля литературы не исчез, активно манифестируя свои позиции «с баррикад» по ту сторону идеологической трещины.

⁶⁹ Н. Иванова, «Сладкая парочка», «Знамя», № 5, 1994.

⁷⁰ С. Чупринин, «Поколение <...>, или Автопортрет со сверстниками», «Знамя», 1987, №10.

⁷¹ В. Бондаренко: «Александр Проханов», М., «Палея», 1993; «Крах интеллигенции. Злые заметки Зоила», М., «Палея», 1995; последняя книга – сборник статей и заметок разных лет.

Сам же автор «Автопортрета со сверстниками» Сергей Чупринин оказался не просто в демократическом секторе поля, но стал едва ли не лидером всего центрального сегмента. Бывший (в 1989-1993) первым заместителем главного редактора журнала «Знамя», Чупринин с 1993 года занял пост главного редактора, назначив своим заместителем Наталью Иванову. Так, двое из бывших «молодых и многообещающих» критиков возглавили наиболее продвинутый из традиционных литературных толстяков. Чупринин (доктор филологических наук, 1993), с первых дней работы главредом «Знамени», вел журнал активно-либеральным курсом, поощряя постмодернизм (все еще пугавший многих в стране). Благоволя к яркому и актуальному в текущей литературе, редакция «Знамени» характерной для того времени гибридной эклектики не избегла, чего и не скрывала:

Что же касается литературной политики «толстых» журналов, то времена строгой идейной и художественной селекции сменились периодом сознательной эклектики, когда они очутились как бы на распутье – между новой «элитарностью» (к которой они, следуя своим демократическим корням, испытывают генетическую, хотя тщательно декорируемую, неприязнь) и массовой литературой. Положение неустойчивое, балансирующее – а что же сегодня устойчиво?⁷²

Владимир Новиков, один из названных Чуприниным в указанной статье, коллег-сверстников, – профессиональный филолог, получив в 1992 году степень доктора филологических наук, остался в «свободных художниках». Не примкнув явно ни к одному из двух основных лагерей, он работал, скорей, на стыке между демократами и «свободными радикалами», или – между модерном центра и маргиналиями постмодерна. Публикуясь в самых разных изданиях демократов,⁷³ Новиков, известный экстравагантностью своих выступлений в печати, старался не только сохранить определенный нейтралитет, но и подчеркнуть академизм и специфику своей индивидуальности:

Университет и Литинститут – два совершенно разных типа культуры. Встречаясь <...> с литинститутскими выпускниками, я с удивлением отмечал, как они не похожи на нас: не знают латыни, пьют много водки и без малейшей иронии говорят о собственной «гениальности». <...> здесь кончается столица и начинается провинция со своими локальными ценностями и авторитетами. Работая в Литинституте <...>, я предпринял кое-какие попытки <...>: учинил в 1991 году большую конференцию «Постмодернизм и мы», потом организовал клуб «Постмодерн», но все это было все. <...> В семидесятые-восьмидесятые годы главным критерием оценки для меня была степень эстетической новизны и оригинальности произведений, политическую прогрессивность считал

⁷² Н. Иванова, «Пейзаж после битвы», «Знамя», №9, 1993.

⁷³ См., например, – цикл эссе «Алексия» в «Независимой газете» (1992-93), ряд публикаций в журналах «Новый мир» (№ 10, 1994), «Знамя» (№№ 2, 7 – 1993, №№ 1, 6 – 1994), «Столица» (№№ 31-33 – 1994), «Вопросы литературы» (№ 3, 1995) и т.д.

фактором второстепенным. В девяностые годы, когда эстетизм стал общим местом, а «эстетная» с виду словесность сделалась дохлой и скучной, считаю своим первейшим долгом защиту интересов нормального читателя, совершенно выпавшего из нынешнего литературного процесса. «Алексия» (т.е. неспособность к чтению) <...>. Увы, этот недуг оказался затяжным, и сегодня «жить не по лжи» для литературного критика – значит говорить правду о произведениях, непригодных для чтения. <...>. Среди «положительных героев» моих статей последнего времени – А. Солженицын и В. Богомолов, Андрей Битов и Валерий Попов, Юнна Мориц и Александр Еременко, Владимир Сорокин и Антон Уткин. <...> у каждого есть стилевая динамика, сопряженная с силой авторской личности. Однако главное для меня – не «раздача слонов», не расстановка плюсов и минусов рядом с писательскими именами. Я занимаюсь критикой не описательно-хроникальной, не эмпирической, а стратегической, стремлюсь ставить на остросовременном материале теоретико-литературные и общэстетические вопросы. Моя мечта – написать свою теорию литературы, но <...> новое теоретическое озарение приходит только одновременно с мощным рывком художественной практики. <...> девяностые годы были не самым благоприятным временем: «живые классики» в основном стояли на месте, а большинству новых авторов фатально не хватает новизны.⁷⁴

Учитывая быстрые и многочисленные изменения в поле, сам Чупринин считал, что если бы возникла необходимость вновь писать нечто похожее на его книгу «Критика – это критики»,⁷⁵ то в 1993 году пришлось бы:

<...> за тремя-четырьмя исключениями, писать уже совсем о других людях: например, об Александре Агееве и о Борисе Кузьминском, только что появившихся, или об Ирине Роднянской, чей голос пять лет назад был почти не слышен, а сейчас звучит очень веско.⁷⁶

В новой России критиков было не 4 и даже не 44, а на порядки больше, но, как следует из прессы, «иных уж не было, а те были далече», и критики опасались, что их дело либо уже погребло, либо вот-вот угаснет. Реальные и полагаемые «потери» фиксировались в печати, в обзорах расстановки сил:

– Как-то, сидя с Кареном Степаняном в редакции «Знамени» и обсуждая трудности работы его отдела, мы насчитали десять, от силы двенадцать действующих критиков, компетентных в области современной русской литературы. Остальные десятки и сотни физических лиц, именующихся критиками, в той или иной степени являются самозванцами. Здесь мы наблюдаем, с одной стороны, *тех, кто еще не критики*. Подставляя в чупрининскую формулу конкретные имена, можно сказать, к примеру, что критика это, в частности, Дмитрий Быков. <...> Критика немыслима без гипербола, без остроты. <...> С другой стороны, в нашем цехе номинально числится очень много *тех, кто уже не является критиком*. Тех, кто пописывает безопасные эссе о Тютчеве и Мандельштаме, тусуется на собраниях и конференциях и вальяжно при этом заявляет: «Я толстых журналов вообще давно не читаю». Не читайте, дело ваше, но не называйте себя критиками, за это звание надо платить трудом, нервами, одиночеством и напряженными отношениями с литературной средой.⁷⁷

– Все реже и реже выпадает счастье прочесть свежую журнальную статью Станислава Рассадина, оценить неувядающий полемический задор Бенедикта Сарнова; мысли и

⁷⁴ Цитируется по «Автобиографии» Вл. Новикова, написанной для готовящегося к печати сборника «XX век: вехи судьбы, вехи России» (см. статью в сети, по адресу: <http://infoart.udm.ru/magazine/arss/novikov/avtobio.htm>).

⁷⁵ С. Чупринин, «Критика - это критики». М., 1988.

⁷⁶ С. Чупринин, из диалога с Б. Тарошиной, «Эскалатор», журнал «Согласие», №6, 1993.

⁷⁷ Вл. Новиков, «Критики о критике», «Вопросы литературы», №6, 1996 (курсив автора – М.К.).

заботы Игоря Виноградова отданы «Континенту»; Игорь Золотусский <...> лишь изредка ворчит на современную литературу <...>; а Лев Аннинский стал столь необозримо многоруким Шивой, что я уже и понять не могу – он все-таки остается литературным-то критиком или уже нет? Всего несколько лет тому назад именно вышепоименованные критики составляли авторское литературное ядро «Известий», «Московских новостей», «Огонька», а в «Литературной газете» к ним присоединялись еще и Алла Латынина, Алла Марченко, в «Книжном обозрении» – Татьяна Иванова <...>. Славное было время, жаль, что быстро промелькнуло.⁷⁸

Сожаления об ушедшем и потерянном (прошлое, страна, связи, статусы и т.п.) нередко экстраполировались на литературное поле, превращаясь в объявления о самых разных «концах всего». Объявлялись не только апокалиптический «конец литературы», но и более частные, – конец «литературно-критического процесса» или литературной критики. Тема конца стала едва ли не наиболее общей и популярной «красной нитью» в критических дискуссиях и обзорных статьях тех лет. Позицию «пораженчества» (отнюдь не соответствующую реальности), почти в унисон высказали и руководители наиболее продвинутого из традиционных литературного журнала, из месяца в месяц, публикующего не только большие объемы самой новой литературы и критики, но и немалое количество рецензий на выходящие книги, и различных заметок «по поводу» литературы. Так, в одной из обзорных статей 1993 года Наталья Иванова заявила:

Исчез так называемый «литературный процесс». Странное понятие, связанное с идеей времени (прежде всего). В сознании критиков его сменила литературная ситуация, а еще точнее – литературный пейзаж. Обнаружилось пространство...⁷⁹

Характерно, что «исчезновение литературного процесса» и замена временных его описаний пространственными (отражающая лишь персональное ощущение «остановки времен»), возникают в лидирующем из «толстяков», – в редакции «Знамени». С. Чупринин, почти вторя Н. Ивановой (чье определение, объективно говоря, грешит против семантики и реальности, но, конечно, придает драматизма манифестации критика), смягчает ее картину, позиционируя критику не столько как «пораженца», сколько творческой сущностью за важной работой:

<...> само понятие «литературный процесс» ушло вместе с советской эпохой. <...> Но кто-то же должен скреплять расплывающееся *литературное пространство*, представлять публике весь наличный объем словесного творчества.⁸⁰

Заполняя страницы прессы драматическими «плачами и пророчествами», мало

⁷⁸ Н. Иванова, «Между», «Новый мир», №1, 1996.

⁷⁹ Наталья Иванова, «Пейзаж после битвы», «Знамя» №9, 1993.

⁸⁰ «У «литературной литературы» тоже есть свое пространство», «Сегодня», 06-12-1994.

отражающими или вовсе искажающими реальную картину литературного поля, многие критики «старой гвардии» либо, действительно, не понимали, что происходит, либо боялись признаться (даже себе) в отсутствии профессионального инструментария, необходимого для новой ситуации, заменяя аналитические статьи о литературных произведениях малопригодными для читателя и совершенно бесполезными для литературы текстами. Видимость деятельности, тем самым, создавалась, некая манифестация тоже обнародовалась, но все это не имело почти никакого отношения к литературно-критической деятельности. Быстро растущее количество собственно новой литературы, так и не замеченной критиками, проходило мимо. Большинство попыток разобраться в ситуации с современной литературой, или каким-либо специфичным ее отделом (например, поэзией), неизбежно сводилось, в основном, к очередным сетованиям по поводу катастрофического падения роли литературы:

То, что сегодня называем постмодерном, есть также продолжение ссоры с русской литературной традицией, но теперь ссорятся иначе, ибо и литература теперь в ином положении. Литература более не владеет умами. Социологические опросы пытаются установить, читают ли ее вообще.⁸¹

Социологи же литературы, запутывая критиков окончательно, утверждали, что в прессе почти безраздельно господствует «стеб».⁸²

Именно вопросы прессы, ее языка, ее стилистики, форм выражения и мест бытования породили другую, еще более бурно обсуждаемую тему, ставшую, пожалуй, ведущей темой данного периода, – массовый переход критиков в (новые) газеты, а также появление новых (и/ли восстановление в правах старых) видов, жанров и форматов выражения литературно-критической мысли, с которыми вошли в поле литературы и новые критики. Едва ли не первым, кто зафиксировал это новое движение, сильно сместившее вскоре все привычные позиции и вбросившее в поле десятки новых манифестаций и позиций, был опять же С. Чупринин. Сожалея о несбывшихся ожиданиях «прихода на авансцену нового поколения литераторов», Чупринин отметил, что «новая журналистика, взятая в противоречивом единстве и прочтенная как целостный метатекст», начала играть роль «властительницы дум», всегда традиционно принадлежавшую литературе.⁸³ Говоря о новой журналистике, Чупринин указывает места ее

⁸¹ И. Шайтанов, «В жанре эпилога», «Арион», №4, 1995.

⁸² Л. Гудков, Б. Дубин, «Идеология бесструктурности», «Знамя» № 11, 1994.

⁸³ С. Чупринин, «Первенцы свободы», «Знамя», №5, 1992.

локализации: новые газеты («Сегодня», «Независимая газета», «Коммерсант») и еженедельники («Столица»), а также старые, сумевшие перестроиться (скажем, «Московский комсомолец»). Журнальные критики иронизировали:

Последние два-три года люди, так или иначе причастные к литературе, чувствуют себя кисло. Спектр настроений располагается в диапазоне от перманентного вопля по поводу ужасной гибели всей вообще русской культуры (прежде всего, конечно, литературы) до вялой скуки: «Ну вышел еще один роман Астафьева, Битова, Владимова – имя им легион – ну и что? Неужели еще и читать? Вот уж Немзер с Курицыным прочтут, по статейке напишут, – а мы газету «Сегодня» полистаем.⁸⁴

Вслед за Чуприниным, тему «новых критиков» подхватили и другие критики демократического центра, пытаясь если и не разобраться в ситуации, то, по крайней мере, как-то обозначить новое явление. Предпринимались попытки образовать – даже из столь разного и разрозненного «материала» – некую единую «обойму». Критики из журналов наперегонки взялись именовать новых критиков, стараясь «угадать и застолбить» новое модное слово, например: «новогазетные», «младокритики», «младофилологи» и т.д. Толстожурнальный истеблишмент к новому явлению (или, говоря языком П. Бурдьё, – к резкому расширению поля за счет появления в нем новых агентов со своими позициями и манифестациями) относился по-разному. Реакции выражались в самом широком диапазоне, от полного отрицания, резких насмешек и личных иронических шпилек⁸⁵ до больших «круглых столов» в разных инстанциях.

Кроме того, в данный период, несмотря на все совместные попытки, критики так и не пришли к единому ответу на свой собственный, поставленный и мучающий парадоксальный вопрос, – «существует ли современная литература?». Этому вопросу даже посвятили специальный «круглый стол» в профессиональном журнале критики и литературоведения – «Вопросы литературы». На заседание этого стола, главный редактор журнала (с 1992 года) Л. Лазарев пригласил критиков самых разных «литературно-критических конфессий» (но, разумеется, только «из демократов»): Д. Бака, П. Басинского, С. Костырко, С. Ломинадзе, А. Марченко и А. Немзера. Лазарев вкратце описал задачи:

⁸⁴ А. Агеев «Выхожу один я на дорогу...», «Знамя», №11, 1994.

⁸⁵ «Вячеслав Курицын – игрок, задира, провокатор. <...> Все это, конечно, <...> игра с теми знаками и смыслами, которые именно в настоящий момент и являются наиболее актуальными. <...> по части «актуалок» ребятам из «Сегодня» надо верить на слово. Если вчера Вячеслав Курицын пел «На дворе осень. Постмодернизм», а нынче поет «Бери шинель, пошли домой», значит, завтра над «шинелькой» зарыдает наиболее элитарная часть интеллектуальной и художественной богемы» (Павел Басинский, «Чучело России», «Новый Мир», №9, 1995).

<...> мы решили пригласить вас, чтобы начать общий разговор о современной прозе. Самокритично следует признать, что журнал, называющийся «Вопросами литературы», наверное, должен был сделать это гораздо раньше.⁸⁶

Самокритичный зачин оказался заразителен, и критики, призванные говорить, собственно, о прозе, не смогли удержаться от самокритики:

Дело в критике, точнее, в ее оптике, в навыках описания и осмысления современной литературы, которые остались теми же, что были и десять и двадцать лет назад. При анализе художественного произведения упор делался и делается на вторичные признаки литературы, скажем, на материал и тенденцию. Это вполне оправданным было еще лет десять назад. <...> Сегодня же критика может заняться своей извечной работой – эстетическим анализом текстов во всей полноте и сложности этого понятия. Но, увы, обнаружилось, что значительной части нашей критики это не под силу, на уровне Архангельского или Немзера работают единицы. Навык оценивать и классифицировать по «вторичным признакам» остался почти нетронутым. <...> Мне кажется, что сегодня с привычными схемами анализа к современной литературе уже не подступиться. Скажем, к тому, что делают в литературе новые писатели. Их творчество не укладывается в прежние схемы. Нужна другая оптика. <...> развитие реального литературного процесса сегодня идет не совсем там, где его еще недавно по привычке искала и обнаруживала наша критика. Не в разрыве с традициями и не в «возвращении к традиции», а в продолжении их, в укорененности в традицию, если, разумеется, не понимать слово «традиция» так фундаменталистски, как это делает Басинский. Литература по сравнению с критикой более консервативна – в хорошем смысле слова, то есть более устойчива, более укоренена. <...> сегодня, когда, может быть, впервые за десятилетия стал обозрим для критики реальный литературный процесс во всем его объеме, во всей его сложности, перед критикой встала задача не только отслеживать из потока новых произведений те, что имеют отношение к литературному процессу, <...> но попытаться проанализировать этот литературный процесс с привлечением уже собственно эстетических концепций.⁸⁷

Среди прочего, на этом круглом столе, пожалуй, впервые актуализовалась тема «критика, как рекламный двигатель». Так, неожиданно для себя критики впервые вербализовали проблему, которую П. Бурдые обозначал как «ввод нового агента в поле, путем печатного отказа ему со стороны критики в таланте». Речь идет о публичном непризнании критикой «литературности чьей-то литературы» (что, по установкам П. Бурдые, сразу дает автору право входа в литературу, именно за счет публикации, посвященной его имени/произведению). Критики горько сетовали:

– Ситуация сейчас такая, что мы, критики, сами всякий раз разыгрываем пропагандистскую кампанию вокруг того или иного писателя. (А. Немзер)

– <...> по условиям нынешнего момента, чем больше критика говорит, что такой-то автор не является писателем, тем прочней он утверждается на своем «месте» в «новейшей литературе», писателем не являясь. <...> в наше смутное время всякий полемический «шум» создает рекламу, укореняющую это явление в общественном сознании. <...> что же, так никогда и не назвать кошку кошкой? не измена ли это самой природе критики?.. (С. Ломинадзе)

– Возник новый литературный быт, в котором весьма вольготно стали устраиваться иного

⁸⁶ См. материалы: «Современная проза: «пейзаж после битвы», круглый стол, посвященный проблемам современной прозы. «Вопросы литературы», выпуск 4, 1995.

⁸⁷ С. Костырко, «Вопросы литературы», выпуск 4, 1995.

рода мнимости. <...> сегодняшние мнимости используют силу рекламы. И не знаешь, надо ли воевать с ними, потому что и самую резкую критику наш андерграунд, стремящийся во что бы то ни стало приватизировать Олимп, удивительным образом превращает в рекламу. (Л. Лазарев)

– <...> если критик пишет о художественной литературе, он, естественно, обходит некоторые имена, как не имеющие отношения к литературе. (С. Костырко)

Одним из опасений (по сути, – криком беспомощности тех критиков, что по-прежнему стремились защитить и оградить читателя от «ужасов новых текстов»), стал давно известный аргумент о сакральности традиционного «места печати»:

<...> литература, принадлежащая «фиктивным писателям», <...> та самая, по поводу которой действительно может захотеться выскочить и крикнуть: «ребята, да не читайте вы этого», – она как раз существует не в каком-то «другом пространстве», тиражируется не по тем каналам, по каким мы смотрим «мыльные оперы», а напротив: печатается в престижных журналах («Знамя» «Новый мир» и т.д.), само название коих являет собой «знак качества», извещающий читателя, что ему предлагается отнюдь не «фиктивная», а настоящая литература. Это-то и обязывает критика к объективной ее оценке с вытекающими отсюда сложностями. (С. Ломинадзе)

Любопытно, что постсоветские критики, еще не слышавшие теоретических выкладок П. Бурдые о законе непрестанной борьбы литераторов за свои позиции в поле литературы путем манифестаций (т.е., - статей, реплик, высказываний и т.п., которые зачастую посвящены как раз переопределению понятий «литература», «писатель»), вербализуют и иллюстрируют эти выкладки – прямо и буквально. Так, С. Костырко, призывая коллег перестать бороться с «дутой величиной» Виктора Ерофеева («Ну, не очень он большой писатель. Это очевидно»), вызывает характерную, реплику Л. Лазарева:

А мы волнуемся оттого, что он и поддерживающая его группа претендуют на то, что они и есть *единственно истинная литература*. Иначе это не волновало бы.

Костырко же, сознавая, что новые законы существования поля ему не ясны,⁸⁸ наивно и романтично отрицает борьбу, она-де «не к лицу приличным критикам»:

<...> сам литературный процесс, борьба вокруг него, *нелепая по сути* (за место начальника в писательской организации еще можно бороться, но за место в литературном процессе бороться нельзя), – похоже что и сам литературный процесс, литературная критика и полемика начинают превращаться в некое шоу.

Впрочем, отказ от борьбы, как таковой, пытались объяснить и иначе:

<...> она («картина современной литературы» – МК) представляется «странной» только

---

⁸⁸ «Мы не очень еще разобрались в том, по каким законам существует наше новое литературное пространство. Раньше законы эти были известны. <...> Правила игры знали все. А сейчас мы набиваем шишки, выясняя, где стена, а где двери. Но, я думаю, это пройдет быстро» («Современная проза: «пейзаж после битвы», «Вопросы литературы», выпуск 4, 1995).

если <...> продолжать воспринимать литературу как процесс – особенно как процесс постоянной борьбы, что увы, заложено в нас (и глубоко сидит) уроками марксистско-ленинской эстетики. А может быть, кроме «борьбы» и «вытеснения», возможны в литературе иные отношения? Скажем, холодного, воспитанного равнодушия.⁸⁹

Романтизм и наивность десятилетиями лелеемого в тоталитарной колыбели соцреализма русского литературного снобизма критиков кажется неискоренимым:

Грустно, конечно, но, похоже, и нам придется расставаться с тем гордым звучанием слова Писатель, к которому привыкли в России. *Расстаться с Писателем как Учителем.* Придется, видимо, привыкать к западному звучанию слова «писатель», обозначающему делателя текстов. А тексты бывают разные – и для триллера, и для политического памфлета, и для мыльной оперы, и для рекламных заставок и т. д. и т. п. В том числе и для художественной литературы. <...> существуют тексты сугубо прикладного характера, но при этом маскирующиеся, и иногда довольно умело, под художественную литературу. Это, в частности, то, что было здесь названо шоу-бизнесом от литературы. Самое омерзительное здесь – это то, что в систему шоу-бизнеса активно перекачивается то, что всегда было и должно быть принадлежностью собственно литературы. Читатель здесь может запутаться, принять атрибутику за сущность. <...> задача «перевоспитывать» читателя <...> Я хочу здесь оговориться: я не против, Боже меня упаси, существования и эротической литературы, и триллеров, и развлекательной мелодрамы. *Я против смешивания литературы с коммерцией.*⁹⁰

Наметились и другие проблемы традиционной критики демократического центра, в частности, стала яснее одна из причин их неприятия «свободных радикалов» (как новых писателей, так и «новой критики»). «Старую гвардию» вполне традиционно раздражало типичное «авангардное поведение» новичков: «установка на эпатаж в публицистике органически родственна собственно литературной продукции новой волны»,⁹¹ – ворчал С. Ломинадзе, осуждая в целом «эпатаж как орудие борьбы за место под солнцем». Размышляя о всеобщем увлечении эпатажем и о «литературном скандале как способе присвоения чужого капитала», критик А. Латынина назвала статью актуально: «Похоже, это рэкет».⁹²

Вдохновленный итогами «круглого стола по прозе», журнал «Вопросы литературы», провел еще один «круглый стол», с чуть расширенным списком приглашенных. На сей раз заседание было посвящено состоянию самой литературной критики.⁹³ В этой узкоспециальной беседе профессионалов, давно наболевшие проблемы критики в целом, и претензии «старой гвардии» к «свободным радикалам», в частности, выплеснулись, наконец, на поверхность в полном объеме. Надо добавить, что этому заседанию предшествовала серия

⁸⁹ Наталья Иванова, «Пейзаж после битвы», «Знамя» №9, 1993.

⁹⁰ «Вопросы литературы», выпуск 4, 1995.

⁹¹ «Современная проза: «пейзаж после битвы», «Вопросы литературы», выпуск 4, 1995.

⁹² «Литературная газета», № 20, 1994.

⁹³ См. материалы «Критики о критике», «Вопросы литературы», № 6, 1996.

полемиических статей в «Литературной газете»,⁹⁴ с общей темой нападков на критику из новых газет. Неудивительно, что о новой «газетной» критике немало говорилось и на круглом столе. Разброс мнений «старой гвардии» о новой критике был гигантским, от отказа признавать сам факт ее существования и агрессивного, не мотивированного осуждения отдельных ее представителей, до весьма восторженных отзывов о ней, как о спасительном островке жизни.

– <...> мне стало казаться, что никакой специально «газетной» критики, о которой последнее время столько говорят и пишут, попросту нет. Наша так называемая газетная критика не что иное, как общий симптом наступающей эпохи, только уловленный газетами раньше, чем фундаментальными современниками. <...> газета «Сегодня», при ежедневном обилии высказываний обо всех родах и видах искусства, информации дает меньше, потому что авторы соответствующей полосы чрезвычайно озабочены <...> задачами эссеистского самовыражения. (И. Роднянская).⁹⁵

– Еще одна игра: формирование якобы клана. В этот клан (автор постоянно подмигивает, все как бы свои) играет газета «Сегодня», любовь моя к ней общеизвестна.. Во времена атомизации ничто не ценится так дорого, как клановость. Прослойка старательно делает вид, что она велика, <...> авторы придумывают псевдонимы: тем самым их становится вдвое, втрое больше. <...> раздражает тон крайне безапелляционный, тон принципиального отказа от анализа: анализ остался в прошлом, автор слишком тонко чувствует, у него все время горло перехватывает, так что он издает <...> спазматические звуки... Нет никакого конфликта между критикой газетной и журнальной. Есть конфликт между критикой аналитической и спазматической. Мы работаем с текстом, нас этому учили. На это нам отвечают великолепным ироническим понтом, позиция иронического всеведения вообще универсальна. Полемика невозможна в принципе, так что будем от нее воздерживаться: пускай резвятся. (Д. Быков).⁹⁶

– Лучше (чем в толстых журналах, – МК) дело обстоит в некоторых, хотя и немногих, газетах. Здесь выделяется «Сегодня»; особо я хотел бы отметить Андрея Немзера, который читает и рецензирует за десятерых. Можно не соглашаться с толкованиями и оценкой в «Сегодня» тех или иных произведений, но нельзя не позавидовать широте кругозора, недоступного сегодня не только журналам, но и тем газетам, в названии которых стоит слово «литературная». А обзоры, попытки взглянуть на текущую литературу не просто как на большую или меньшую сумму новых произведений <...>, а как на процесс, определить его силовые линии, тенденции, противоречия и противостояния и вовсе стали редкостью. (Л. Лазарев).⁹⁷

– Поскольку я занимаюсь одновременно академическим литературоведением, пишу критические статьи и для журналов и для газет, то могу посмотреть на ситуацию как изнутри, так и извне. И вот с этой точки зрения реальными критиками сегодня являются газетные литературные обозреватели: помимо присутствующего здесь Дмитрия Быкова, <...> упоминавшихся Павла Басинского, Андрея Немзера и Вячеслава Курицына <...> их краткие, емкие, остроумные статьи и рецензии <...> во многом определяют нынешний уровень нашего жанра. <...> в газетах и еженедельниках (кроме, к сожалению, «Литгазеты») не разрешается писать длинно, скучно и неинформационно, чего не скажешь о критических разделах толстых журналов. (Вл. Новиков).⁹⁸

⁹⁴ Речь идет о статьях П. Басинского, А. Архангельского, Д. Быкова (соответственно: №№ 15/XI, 29/XI и 18/XII за 1995 год) и др. в «Литературной газете».

⁹⁵ И. Роднянская, «Критики о критике», «Вопросы литературы», № 6, 1996.

⁹⁶ Д. Быков, «Критики о критике», «Вопросы литературы», № 6, 1996.

⁹⁷ Л. Лазарев, «Современная проза: «пейзаж после битвы», «Вопросы литературы», выпуск 4, 1995.

⁹⁸ Вл. Новиков, «Критики о критике», «Вопросы литературы», № 6, 1996.

В. Курицын, чья фамилия непременно появлялась почти в каждой статье, где бы ни где заходила речь о постмодернизме, рассуждал на актуальную тему, шутя:

<...> критика – в широком значении этого слова – есть деятельность куда более возвышенная, сложная, благородная и художественная, нежели сочинение поэм и новелл. <...> Необходимость доказывать, что критика выше литературы, отпала достаточно быстро. Общественность признала это, так сказать, явочным порядком: на протяжении последних трех лет главной (в смысле – самой высокочастотной) темой критических выступлений наших литературных органов была сама критика (чаще – газетная критика). Статьи, «круглые столы», реплики, дискуссии... О газетной критике высказался всяк, кто мог, но дискуссии ухитряются не затихать.⁹⁹

Надо сказать, что и тексты, и фигура молодого критика Вячеслава Курицына стали своего рода точкой отсчета или своеобразным водоразделом между демократическим центром и сектором «свободных радикалов», явным или негласным предводителем которого, прямо или косвенно, он признавался почти всеми. Изначальные попытки не замечать и замалчивать его присутствие в поле провалились почти сразу, и вскоре сменились либо активными нападками, либо восторженным признанием его в качестве примера для подражания (появились также и подражатели). В любом случае, реакции на Курицына в печати всегда были окрашены сильной эмоцией. Напомню, что в конце 80-х, живший тогда в Свердловске, Курицын стартовал статьями в газетах «Литературка» и «Гумфонд». Поселившись к 1993 году в Москве, благодаря своим широким культурным интересам, профессиональной литературной любознательности и стойкому вниманию к новым именам и явлениям окружения, Курицын стремительно ворвался в литературное поле постсоветской России. Вскоре не осталось уже практически ни одного более-менее актуального издания (помимо центральных, он публиковался и в разных провинциальных газетах и журналах), где бы не появился, как минимум, один из его текстов. Таким образом, уже к середине 90-х, каждый, кто хоть немного интересовался литературой и литературной критикой России, знал фамилию Курицын. Можно по разному относиться к текстам Курицына, но факт остается фактом: на основе статистического исследования «Литературной газеты», в 1995 году Курицын (окончивший тогда аспирантуру РГГУ) признан «самым цитируемым русскоязычным литературным критиком».

Поскольку Курицын вошел в литературное поле сразу как истый адепт постмодернизма, его активный пропагандист и просветитель читающей публики, то и критиковали его не только за то *как* он пишет, но и за то, *о чем* или *о ком*.

⁹⁹ В. Курицын, Нефискии, «Октябрь», №3, 1997.

Иными словами, Курицыну не раз доставалось от критиков не только за собственные тексты, идеи и выражения, но и за кого-либо из отечественных постмодернистов (о которых он писал), за отдельные явления, а то и за весь постмодернизм в целом. Когда же оппонентам Курицына (или постмодернизма) не доставало аргументов (чаще, все-таки – знаний), то для публичных высказываний (о не вполне понятных материях, которыми занимались новые профессионалы), в ход шли «вечно живые» приемы, которые условно можно назвать, перефразируя П. Бурдые, – примитивной «критикой габитуса». Когда сказать по сути дела было нечего, а раздражение от нового не оставляло, то можно было нанизывать совершенно безобидные факты, допустим, из био- и географии, плотно одевая их в негативную словесность:

<...> это имя неприлично назвать в профессиональном кругу. Но оно уже тут прозвучало, так что называю: Курицын. <...> Произошла маргинализация критики <...> принципиальная, отсюда и агрессивность. <...> тот же, скажем, Курицын из Екатеринбурга... Хотя тут лучше сказать: из Свердловска, свердловчанин, хватка уж больно советская. Не в этом, конечно, дело, даже если тут играет роль и неизбежный провинциальный напор. Дело в отношении к русской культуре, где бандерлоги не хотят найти свое место. <...> «Литгазета», скажем, раньше была для меня голосом Басинского, и это меня как читателя вполне устраивало, а сейчас она не то что сделала своим рупором Курицына, но вроде сама сделалась его рупором. Зачем умной Алле Латыниной понадобилось бросить всю респектабельность под ноги тому, кто работает под пэтэушника... Да какое «работает»! Тут уж полнейшая идентификация.¹⁰⁰

Разброс (не)понимания нового явления и «личных идей» о постмодернизме в российской прессе к середине 90 годов достиг своего апогея. Когда «свободные радикалы», во главе с Курицыным, уже делали первые попытки к «преодолению постмодернизма» (путем ироничного «умножения приставок»¹⁰¹ или практических поисков новых средств анализа отечественной словесности), «старая гвардия», еще только привыкавшая к новому слову (но, как правило, так и не разобравшаяся в понятиях), начала понемногу оперировать новой лексикой. Прежде всего, в ход пошло главное «орудие производства» критики: определение «принадлежности к» (или, иначе говоря, – «сведение в обойму», «выведение за рамки»). Это, само по себе, вызвало в печати новые разногласия, ибо «старая гвардия» активно сопротивлялась факту причисления «их авторов» к новому «ужасному –изму». Помимо огульного «клеяния постмодернизмом» и сбрасывания в «мусорную корзину постмодерна» всего, что как-то отличалось от привычного или же просто

¹⁰⁰ Ст. Рассадина, «Критики о критике», «Вопросы литературы», № 6, 1996.

¹⁰¹ См. В. Курицын, «Время множить приставки. К понятию *пост*постмодернизма», «Октябрь», № 7, 1997.

персонально не нравилось пишущему, критики, а нередко и сами литераторы, использовали любой повод, чтобы тряхнуть в печати модной лексикой. Слова «постмодернизм», «постмодернист» и их производные замелькали в периодике, являясь в самых неожиданных контекстах и у авторов, казалось бы, совершенно далеких от данного дискурса. Изучая периодику тех лет, можно смело сказать: не было ни единой недели (с конца 1993 по конец 1995), чтобы одно из этих слов не мелькнуло в прессе. Редактор отдела критики журнала «Новый мир» озабоченно жаловался, что «в журнале стоит глухое урчание схватки постмодернизма с менее экзотической прозой».¹⁰² «Старая гвардия», решаясь сказать «постмодернизм», пользовались им (и его дериватами), скорее как новомодным pejоративом:

– Для постмодерниста мир – не содержит реальных ценностей. Даже есть выражение «мир как текст» – как вторичное, как текст произведения, создаваемый автором, и наибольший интерес – это сам автор в соотнесенности со своим произведением, его рефлексия. Культура должна замкнуться сама на себя (оттого эти произведения переполнены реминисценциями, и до безвкусыя), и только она и есть стоящая реальность <...> значение приобретает <...> натужная игра на пустотах, и у художника нет ответственности ни перед кем в этих играх. Отказ от каких-либо идеалов рассматривается как доблесть.¹⁰³

– <...> когда в спор включаются неистовые ревнители «отечественного постмодернизма», то хоть святых выноси. Каковы хозяева этого тщательно огороженного только для инфантилов и переростков закутка, такова и поддакивающая им критобслуга. И вообще: не этим ли – на своем пяточке, дескать, мы сами себе все позволили и потому можем все – так привлекательна другая система?¹⁰⁴

– На взгляд нашего постмодерна, любая ушедшая в себя, внутренне уравновешенная система (образов, поэтических мотивов) – ложная модель мира, построенная для отвода глаз от всей мировой нескладицы. И постмодерн не устает пародировать образцы прекраснотушной систематики, ставя их в контрастную связь с наглым оскалом хаоса. <...> постмодерн вообще демонстративно анти-аналитичен».¹⁰⁵

– <...> постмодерну <...> подавай распад структур, переплавку конструкций, жертвенные дымы от руин к небу.¹⁰⁶

– Конец века принес с собою новшество. Теперь изволь, не разнеживая слух, проникаться почтением к телесному низу, которому весело глядеть наружу из дырявых образных систем. Процесс люмпенизации общества <...> нашел подходящую эстетику, дабы собою полюбоваться и польстить разорванному сознанию (родовой примете люмпена), которое совсем не прочь навязать себя искусству в наставники.¹⁰⁷

От многочисленных, но часто совсем некомпетентных, «высказываний на тему» возникала полная неразбериха. Пытаясь разъяснить кое-какие термины, критики

¹⁰² В. Камянов, Взгляд на «Знамя»-93, «Знамя» №1, 1994.

¹⁰³ А. Солженицын «Ответное слово на присуждение литературной награды американского национального клуба искусств», «Новый мир», № 4, 1993.

¹⁰⁴ А. Марченко, «...зывается vulgar», «Новый Мир», №4, 1995.

¹⁰⁵ В. Камянов, «Космос на задворках», «Новый мир», №3, 1994.

¹⁰⁶ В. Камянов, «Остановиться, оглянуться», «Новый мир», №6, 1994.

¹⁰⁷ В. Камянов, Метафизика на морозце. Над страницами «рваной» прозы, «ЛГ», №12, 1994.

еще больше запутывались, и полемика вновь удалялась от собственно литературы. Запугивая коллег и читателя, некоторые и сами начинали опасаться:

<...> если раньше критикам заказывали статьи, то скоро мы придем к тому, что критики станут заказывать романы под свои концепции.¹⁰⁸

Случалось, что и наиболее продвинутые профессионалы из «старой гвардии», освоившие и вполне признавшие новую теоретическую базу, не совсем удачно применяли термин или ставили акцент в своих классификациях, и тогда, наконец, их оппонентам удавалось вставить и свое веское слово «в общий модный дискурс». Поскольку всякое «выстраивание обойм» является, по определению П. Бурдые, персональной попыткой реструктурирования или переосмысления всех диспозиций поля, то, как и предсказывал П. Бурдые, ни одна подобная манифестация не проходила мимо внимания коллег. Так, критик Алла Марченко (ведущая в 1995 году в «Новом мире» рубрику «По ходу дела»), разбирая «очередной скандал года»,¹⁰⁹ не смогла удержаться, чтобы не «поймать на слове» своего коллегу и идейного конкурента из «Знамени» (Сергея Чуприна) и не «поставить ему на вид» со всей строгостью тот факт, что критик «первым решительно отказал Анатолию Королеву в прописке по части постмодерна».¹¹⁰

Консерватизм либералов-старичков, в целом, понятен. Коллеги помоложе считали эту «позицию эстетического арьергарда» вполне «осознанно избранной», ибо уставшие «шестидесятники» на все новейшие провокации, «на новомодный стеб и агрессивное покушение на авторитеты ответили стойкой неприязнью к неблагодарной генерации, равнодушной к их былым заслугам в освобождении литературы».¹¹¹ Но не только представители «старой гвардии» отвергали постмодернизм и активно боролись с ним (и его адептами и представителями). Среди критиков демократического центра, тоже, как и «свободные радикалы»,

---

¹⁰⁸ А. Варламов, «Вопросы литературы», №1, 1996.

¹⁰⁹ В 1993 году «скандалом года» критики называли ситуацию, связанную с публикацией романа В. Шарова «До и во время» в журнале «Новый мир» (№№ 3-4, 1993), где, сразу после него опубликовали и большую разгромную статью членов редколлегии того же журнала И. Роднянской, С. Костырко и А. Василевского «Сор из избы», где критики описали роман Шарова как «опошление и осквернение», а также «изнасилование русской и священной истории». А в 1995 году «литературно-критическим скандалом года» назвали публикацию романа А. Королева «Эрон» («Знамя», № 7-8, 1994), которую сопровождала длительная – на страницах самых разных изданий – дискуссия-ссора критиков по поводу данного романа. В той дискуссии – прямо или косвенно – приняло участие около десятка критиков (от А. Агеева, Д. Бака и Е. Иваницкой до П. Басинского, Д. Быкова, А. Немзера и т.д.).

¹¹⁰ Алла Марченко, «...зывается vulgar», «Новый Мир», №4, 1995.

¹¹¹ Наталья Иванова, Хроника остановленного времени, «Дружба Народов», №10, 1998.

пишущих в новых газетах, но избравших позицию анти-постмодернистов, следует назвать, как минимум, трех литераторов, сильно различающихся оттенками своих позиций и градусами неприязни, меж самым старшим и самым младшим из них 10 лет разницы: А. Немзер (род. в 1957), П. Басинский (род. в 1961) и Д. Быков (род. в 1967). Самую радикальную позицию из троих занял Павел Басинский, которому было едва за тридцать. Он был чуть ли не самым молодым сотрудником демократичной «Литературной газеты», но необъяснимо и люто возненавидел все, связанное с постмодернизмом. Его агрессия и почти фундаменталистская позиция удивляла даже его издавших виды коллег по цеху. Н. Иванова, обращая внимание на «схватку – внутри одного поколения», констатировала:

Схватка реалистов с постмодернистами запечатлена на страницах газет и литературных журналов – в частности в статьях П. Басинского <...> «охранители» оказались рекрутированными совсем не из тех рядов, откуда их привычно ждали. Ждали – из «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Москвы», газеты «Завтра». Конечно, они тоже предрекали постмодернистам гибель неминуемую и многожды констатировали легальный исход «симулякра». <...> Басинский, позиционно объединился в окончательной и бесповоротной враждебности к постмодернизму с критиками газеты «Завтра». ¹¹²

Павел Басинский, по возрасту и ходу творческой карьеры, мог бы принадлежать к «свободным радикалам от постмодернизма», но будучи сотрудником обоих бывших традиционных лидеров литературного поля («ЛГ» и «Нового мира»), он ушел в самую глухую и резкую во всем демократическом центре оппозицию постмодернизму, даже переплюнув в ненависти к отдельным литераторам и/ли их текстам весь сектор патриотов, взятый целиком. Может, быть, это объяснимо святой любовью Басинского к реализму, коего он выступал и выступает самым рьяным и ярым поклонником, пропагандистом и защитником?

<...> я думаю, что весь путь русской литературы в XX веке, <...> в сущности, и есть процесс осознания русского реализма как единственной ценности, принадлежащей нам в этой области, как своего рода национальной валюты. Эпоха кризиса тем и хороша, что позволяет оценить утраты, для того чтобы, вернув потерянное, пользоваться им уже сознательно, как умный хозяин. ¹¹³

Все остальное, кроме реализма, с точки зрения Басинского, русской литературе вообще не нужно, ибо «любые средние фазы между реализмом и модернизмом ведут к гибели реализма»,¹¹⁴ чего позволить никак нельзя. Вчитываясь в разные высказывания Басинского, иногда теряешь нить реальных предпочтений критика,

---

¹¹² Там же.

¹¹³ П. Басинский, «Возвращение», «Новый мир», №11, 1993.

¹¹⁴ Там же.

но одно остается в них неизменным: разделение всего, о чем бы не писал критик, ровно надвое: на черное/белое, на друзей/врагов, на хорошее/плохое, всегда – на два, без остатка. Никогда, никаких пограничных, серых, пестрых или как-либо еще усложненных и смешанных зон:

Никаких особенно новых путей в литературе не появилось. Как и раньше, выбор – один, а путей – два. Есть реальный книжный рынок, где тебя покупают либо нет, и есть заповедный мир так называемой «литературной» литературы, где ни о какой купле-продаже не может быть, конечно, и речи, но вовсе не потому, что населяющие этот мир люди напрочь лишены практических интересов, а главным образом потому, что заповедник и должен быть заповедником, а не местом свободной охоты, и только в этом качестве он может требовать для себя охранной грамоты от государства или молить о финансовой помощи разные коммерческие структуры.¹¹⁵

К позиции Басинского можно смело приложить и собственное высказывание критика: «цели и смысл слишком точны и не терпят никакой относительности». Однако, главный официальный противник Басинского в печати (и приятель в жизни), Курицын, с типичной иронией анализируя ситуацию, допускал и другие причины выделяющихся на общем фоне «демцентра» манифестаций Басинского:

<...> ведет в «Новом мире» рубрику пакостей: по нечетным номерам <...> он хамит за деньги приличным людям. «Новый мир» вообще стал исключительно хамским изданием, совершенно запросто ругаются <...>, считая это служением высшим началам. Вот эффект Басинского. Пишет что-то, во-первых, подчеркнуто подлое <...>. Пишет, во-вторых, нечто совершенно тупое <...>. И тексты его как бы не запрограммированы на обидеть <...> оскорбления здесь куда меньше, чем чистой литературы. Басинский – писатель, проект его не концептуально-нравственный, а вполне художественный. Он сделал из себя отличного персонажа «литпроцесса».¹¹⁶

Курицын делает далее революционные (для места и времени) культурологические выводы, буквально совпадающие с постулатами теории литературного поля П. Бурдьё.¹¹⁷ Речь опять идет о вводе агентов в поле литературы путем публичного, печатного отрицания их заслуг и вообще их ценности для всего поля:

<...> Басинский – ценный персонаж <...> для людей, которых он из сочинения в сочинение обливает грязью, которая начинает выглядеть как знаки почета. В начале перестройки, повествуя о пострадавшем от коммунистов <...> писателе, любили приводить цитаты из погромных статей <...>. Эти цитаты воспринимались явно как боевые награды, как заслуженный успех. То же самое с теми, кого гнобит Басинский. <...> Эта его игра, кроме всего прочего, довольно рискованный, но красивый коммерческий проект. Пройдет эн лет. Старые логоцентристы перемрут, и Басинский

¹¹⁵ П. Басинский, «Не для эстетов, не для быдла», «Новый Мир» 1995, №5. Статья посвящена как раз, в порядке редкого исключения, требованиям от издателей чего-то третьего, но чего именно хотелось бы Басинскому, – из статьи не ясно. Все остается на привычном ему, двумерном, уровне: либо высокая литература, либо низкая. См., например, также его статью с «двухзначной» формулой: «Пolemические заметки о реализме и модернизме» («Новый мир», №11, 1993) и т.д.

¹¹⁶ В. Курицын, «Дневник, сентябрь 1995 года», НЛО, № 16, 1995.

¹¹⁷ Надо сказать, что основные работы П. Бурдьё, включая его книгу «Поле литературы», появятся на русском языке лишь спустя несколько лет.

останется очень заметной фигурой. В его поколении таких чудиков больше нет, на десять лет вперед-назад тоже нет. Пашка автоматически превращается в классика и гребет дивиденды из двух источников. Во-первых, традиция <...>. Во-вторых, государство <...> будет считать себя должным с уважением относиться к маргинальным явлениям.¹¹⁸

Примеры, подтверждающие правоту прозрений Курицына в 1995 году, найти сегодня, спустя полтора десятка лет, нетрудно.¹¹⁹ Но и не забегая вперед, а лишь вчитываясь в манифестации самого Басинского, нельзя не заметить действия «гибридизирующего влияния среды», иными словами, – уроки отечественного постмодернизма не прошли даром и для него – такого радикального сторонника «чистого реализма». Уже в 1994 году он начинает, едва ли не «по рецептам постмодернистов» – «капризничать»:

Я хотел бы, чтобы повесть <...> была написана гораздо хуже и гораздо отчетливей; чтобы она терзала слух, злила, раздражала; чтобы ритм каждой фразы не помогал, а мешал мне читать.¹²⁰

Смело утверждая: «именно русский реализм сейчас оказался в авангарде», именно он «альтернативное» явление, «другая» литература», – доказательств своим словам Басинский приводил не много, ограничиваясь туманными намеками: «какие-то симптомы нормальной ситуации уже есть».¹²¹ Более-менее позитивных, четко сформулированных критериев, предъявляемых Басинским к «правильной литературе» в данный период, найти не просто, так, отдельные высказывания и «озарения», как правило, апофатические: «...это нельзя пересказать! Кстати, это признак именно плохой литературы, потому что хорошую пересказать все-таки можно».¹²² Но пройдет еще полгода, и «фундаменталист от реализма» начнет нарушать свои же табу, вполне благобно используя «дикий термин»:

Пытаясь определить направление прозы Уткина, шутя назовем это «реалистическим постмодернизмом»... Рано или поздно должно было появиться сочинение, которое бы простодушно сочетало в себе оба веяния: волю к игре и волю к серьезности, живой литературный язык, вкус к доподлинности ... и «книжность», «нарочитость», «филологичность».¹²³

¹¹⁸ В. Курицын, «Дневник, сентябрь 1995 года», НЛЮ, № 16, 1995.

¹¹⁹ Кстати, сам Басинский этих лестных «предсказаний» коллеги не забыл, и, спустя всего лишь 3 года, которые по пословице необходимы для исполнения обещанного (и показавшиеся Басинскому вдвое большим сроком), Басинский, не выдержав, предъявил Курицыну иск: «Возникает Вяч. Курицын <...> мол, Басинский такой хитрый, такой хитрый... На десять лет вперед смотрит! Пройдет время, и его «стратегия русского реализма» начнет приносить свои плоды: деньги потекут рекой, и медаль от правительства непременно будет... С того выступления Курицына прошло хотя и не десять лет, но пять — точно. Все жду тех сумасшедших денег... » (Павел Басинский, Неманифест, «Октябрь», №3, 1998).

¹²⁰ П. Басинский, Сумерки реализма, «Литературная газета», №39, 1994.

¹²¹ П. Басинский, «Вопросы литературы», №4, 1995.

¹²² Там же.

¹²³ П. Басинский, «В «конце романа» или реалистический постмодернизм?», ЛГ, №48, 27-11-1996.

Кажется, только здесь наиболее полно (и, пожалуй, вполне искренне) Басинский впервые (с момента объявления своей священной войны) предъявляет свои критерии, с которыми хотел бы подходить к литературным произведениям. И оказалось, – без постмодернизма (даже по мнению его «злейшего врага» в России) новой отечественной литературе никак не обойтись.¹²⁴

Возвращаясь к периоду 1993-1995, добавлю, что на фоне общих метаний, растерянности и повальной гибридизации *volens nolens*, пожалуй, лишь Вячеслав Курицын вполне осознанно, последовательно, активно и непрерывно продолжал манифестировать свое понимание профессии и момента в культуре, фиксируя на страницах самых разных изданий свои взгляды на литературу, критику, жанры и прочие элементы поля, пытаясь каждой своей манифестацией, расширить их.¹²⁵ Многие его попытки расширения поля, получив-таки неизбежное количество отповедей в прессе, приводили к – частичной, а то и полной – реализации.¹²⁶ Ведь именно в данный период, отдельные литераторы, борющиеся с постмодернизмом в роли литературных критиков, оказываясь в роли авторов, начали и сами пользоваться некоторыми жестами постмодернистов (осознанно или нет, – другой вопрос). Приведу два наиболее любопытных (своей уникальностью и, одновременно, парадоксальной схожестью) примера того периода (впоследствии их стало значительно больше), оба из авторских предисловий к новым книгам. Во-первых, – Дмитрий Быков, который, в роли критика, выговаривал ироничным играм постмодерна, и «всем расхлябанностям и необязательностям небрежной новой литературы»,¹²⁷ однако, выступая сам как автор новейшей литературы (сборника стихов), объявит литературному полю свою постмодернистскую, игру:

Рецензирование этой книги, а также любые упоминания о ней в негативном, позитивном или нейтральном контексте категорически запрещаются:

---

¹²⁴ Надо добавить, что этот опыт оксюморонного, на первый взгляд, соединения терминов Басинскому понравился. Спустя несколько лет, он напишет: «О русском постмодернизме как жизненном явлении лучше, откровеннее, бесстрашнее всех писал его наиболее преданный «агент» Вячеслав Курицын. Но Курицына никогда не читали «прямо». За его словами искали подвоха, провокации. И напрасно: как летописец русского постмодернизма он чистейшей воды «реалист» (П. Басинский, *Проплаченная культура*, «Октябрь» 1999, №2).

¹²⁵ «... литература все время разная, и сегодня литература – это женский роман, текст для рекламного ролика или заметочка в глянцево-м журнале, а то, что публикуют толстые журналы – это как раз постепенно становится паралитературой, чем-то бесконечно маргинальным (В. Курицын, «Дневник, сентябрь 1995 года», НЛЮ, № 16, 1995).

¹²⁶ Чтобы далеко не ходить за примером, – часть своих «заметочек в глянцевых журналах» сам Курицын собрал и опубликовал отдельными книгами, которые продаются во всех престижных книжных магазинах, а то и давно распроданы.

¹²⁷ Д. Быков, «*Сны Попова*», «Новый мир», №5, 1994.

– литературным критикам Борису Кузьминскому, Вячеславу Курицыну, Андрею Немзеру, Павлу Басинскому, Феликсу Икшину;
– Аделаиде Метелкиной, Кроку Адилову, Глебу Жеглову,¹²⁸
– газетам «Сегодня» и «Завтра».
Иначе будет что-то ужасное.¹²⁹

А также Всеволод Некрасов, уставший ниспровергать и бороться, манифестирует:

<...> миленькое выражение: *передел*. Чуть пошевелись – Вы что же это, передел *мест* захотели устроить? Передел *славы*. Фу, ну как не стыдно. Как пошло. Замри и не дыши. Поскольку в моем положении движение ребер – и то влечет некоторый передел: до такой степени нету тут моего места. Тут пригота раздулась, лезет, тут метаафера распространилась, тут какой-то пост-прости Господи-Модернизм из-под Мост-извините нас-Банка в полный лист газеты "СегоднЯ"... Прет и прет. Прет и прет с фирмовых харчей. Припер, все. А вы что думали – так тут мне и придавиться по-тихому? Вас этому советская власть учила? А вот меня как раз и другому. Так уж у нас с ней получилось. Представьте себе. И теперь навряд меня переучит уже хоть бы и сам г-н Гусинский. Не сам, не сам, понимаю. Не сам г-н Гусинский, но сонмами архангельскими. Немзерскими, ковалевскими, рассказовскими – какими там. Жуть. А то ведь не видали мы сонмов. Так что дорогие мои: 1. Извините. 2. Подвиньтесь.¹³⁰

Гибридизация – одна из главных черт и особенностей российской жизни и культуры данного периода, не оставила без своего воздействия и литературное поле. Пытаясь выжить, традиционные «толстые» журналы, прежде всего начали осваивать гибридизацию в отношении содержания. В одном конкретном издании, и даже в рамках одного номера, можно было найти: произведения, хранящие отпечатки соцреализма, и – рядом – залихватскую постмодернистскую статью, читательские письма, с острыми симптомами «комплекса неполноценности» и тут же бодрый обзор светской жизни литературной элиты, переводную беллетристику и презрительную критику подобной, «низовой, массовой литературы», реалистический рассказ о постсоветских трудностях в бывших колхозах и там же анекдоты о «новых русских», произведения с обсценной лексикой рядом с пуританскими порицаниями оных и т.д. Так, литературные толстяки, поставленные в условия жесткой конкуренции не только с газетами, новыми профессиональными «толстыми» и новыми «глянцевыми» журналами, но и с началом развития интернета – этого виртуального сегмента литературного поля, старательно пытаясь «угодить на все вкусы», продолжали терять читателей и писателей. Самым, пожалуй, печальным было то, что «толстяки», несмотря на некоторое понимание ситуации и отдельные попытки ей соответствовать, в целом так и не изменили главного: ни своей общей концепции («много разного для

¹²⁸ Псевдонимы постоянных критиков из газеты «Сегодня» (Б. Кузьминского и А. Немзера).

¹²⁹ Дмитрий Быков, Послание к юноше. Стихотворения, поэмы, баллады. М. РИФ «РОЙ». 1994.

¹³⁰ Всеволод Некрасов, Опыт самооткрывания, или Шестнадцатое слово и постмодернистская ситуация, Пакет, М., 1996 (курсив и прочая графика авторская – МК).

многих разных)), ни «активной позиции» критики, выражающейся в крайне пренебрежительном отношении к так называемой массовой литературе в целом, и к «низким жанрам» (детектив, «женский роман», «комедии нравов» и т.д.), в частности. Последнее тем более удивительно, что новые литературные произведения, в разной степени содержащие черты «низких жанров», и нарушающие, эти самовозложенные табу, в толстяках печатались. Но в критических разделах тех же изданий, по-прежнему, осуждались и отодвигались в некий «низкий класс» литературы. Возможно, сами того не осознавая, журналы одной рукой как бы ломая собственные табу, другой рукой (критической) эти самые табу вновь устанавливали, поддерживали и укрепляли.

Ломка форматов и рамок, нарушение границ и гибридизация происходили подчас и менее заметным образом. Андрей Немзер, в своих литературно-критических заметках для «Нового мира», чтобы не повторяться, «просто отсылает» читателей к своим рецензиям в газетах «Сегодня» и «Независимая» (сильней всего раздражавших в то время толстожурнальные редакции),¹³¹ нарушая жесткую границу между газетной и журнальной критикой, лелеемую толстяками, и ломая, тем самым, внутрижурнальные табу изнутри журнала. Он продолжил ломку этой границы и в обратную сторону:

Подряжаясь работать в «НГ», я намеревался заниматься историко-литературными сюжетами <...> Вышло иначе. <...> Надо было изобретать что-то свое и одновременно обзаводиться рубрикой. <...> я предложил традиционнейшую нудоту – обзоры «толстых» ежемесячников. К предложению этому отнеслись снисходительно. То ли полагая что идея увянет сама собой. То ли находя забавным появление этакого ископаемого монстра в победительно-авангардном контексте. <...> И я пошел возводить свою «Журнальную галерею». <...> Мне показалось необходимым сообщать потенциальным читателям о делах российской прозы <...>, о том, как новые романы, повести или рассказы устроены. <...> Жанровая эклектика и «домашняя семантика» входили «в стоимость путевки», которую я приобрел, став газетным обозревателем, получив то ли обязанность, то ли право на <...> возобновляющийся разговор о словесности.¹³²

Приведу еще несколько разных советских и постсоветских табу, ломка которых только началась и/ли уже завершалась в данный период: вопрос о «месте русской литературы в контексте литературы мировой»,¹³³ «литература и религия»,¹³⁴ «эротика и порнография в литературе»,¹³⁵ «обценная лексика» или «непечатное

¹³¹ См., например, «Новый мир» №5, 1994.

¹³² А. Немзер, «Литературное сегодня, О русской прозе. 90-е», М., НЛО, 1998.

¹³³ В январе 1993 года в Москве прошла международная конференция «Русский авангард в контексте европейской культуры», ее материалы опубликованы в журнале «НЛО» (№3, 1993).

¹³⁴ Например, в «Литературной газете» (от 01-02-1993) была опубликована статья Д. Быкова «Персонажи в поисках автора: К типологии советской религиозности».

¹³⁵ См., например, упоминавшийся выше, «скандал года» вокруг романа А. Королева «Эрон» и т.д.

слово в печати» и т.д. В целом же, говоря о данном периоде, необходимо подчеркнуть, что ново-газетная критика и само пространство новых газет (вполне открытое и для литературы¹³⁶) стали, в весьма серьезном объеме, буквальным спасением новой литературы от забвения и немого исчезновения. И дело здесь не только в финансовых различиях (в пользу новых газет), позволявших выплачивать литераторам приличные гонорары, но и в том, что толстожурнальная критика в данный период особенно плохо справлялась с делом информирования читателя об актуальной словесности. Скажем, в середине, 1994, «Новый мир» заметно реже стал публиковать материалы в традиционном разделе литкритика: в лучшем случае, – по одной статье на номер, а в некоторых книжках журнала эта рубрика и вовсе отсутствовала, потесненная другими (рецензиями «Книжное обозрение», «Коротко о книгах» и новой рубрикой «Книжная полка», которую стал вести С. Костырко), так что, – к концу года аналитических материалов в традиционной рубрике «литкритика» у «Нового мира» было 12, а в следующем году и того меньше – 10.¹³⁷ А. Немзер отнюдь не голословно подчеркивал: «рецензировалось крайне малое количество текстов, а само занятие называлось бессмысленным».¹³⁸ Об этом же писал и редактор «Вопросов литературы»:

<...> мы обращаемся к весьма пестрой современной прозе, основной массив которой в толстых журналах не рецензируется. Отделы критики и библиографии катастрофически похудели и перестали быть зеркалом текущей литературы.¹³⁹

Некоторые толстожурнальные критики, пусть и не довольные в целом своим материальным положением, зато имевшие «постоянные, статусные» рабочие места, на фоне хаоса в стране, продолжала вальяжно бездельничать, нещадно эксплуатируя свою неприкосновенность:

Признаюсь, в каком-то высшем смысле вся нынешняя словесность для меня – чужая. Но для литературно-критической и особенно издательской деятельности такая – абсолютная –

---

¹³⁶ Как уже говорилось, кроме рецензий и литературно-критических материалов, в «Независимой» и «Сегодня» публиковались и собственно литературные тексты новых авторов (например: В. Сорокин, «Месяц в Дахау: Поэма в прозе» («Сегодня», № 13, 1994); В. Пелевин в одной только «Независимой» за 1993 год опубликовал: «ГКЧП как тетраграмматон», «Джон Фаулз и трагедия русского либерализма», «Икстлан–Петушки» (20-01-93); «Полет над гнездом врага [глава из романа «Жизнь насекомых»] (24-02-1993); «Зигмунд в кафе» (30-04-1993), «Осень» [стихотворение из романа «Чапаев и Пустота»] (12-10-1993); а рассказ «Тарзанка» был опубликован в еженедельнике «Столица», №20, 1994), а также интервью с ними (например: Интервью С. Шаповала с В. Сорокиным «Выход за рамки» «Независимая газета», № 130, от 29 ноября 1995).

¹³⁷ Зато добавились персональные критические колонки Павла Басинского и Аллы Марченко в новом едином разделе «По ходу дела» (опубликовано по 6 заметок каждого за весь год).

¹³⁸ А. Немзер, «Литературное сегодня, О русской прозе. 90-е», М., НЛО, 1998

¹³⁹ Л. Лазарев, «Современная проза: «пейзаж после битвы», «Вопросы литературы», №4, 1995.

позиция неконструктивна, и поневоле приходится применять относительные критерии: X занимательнее, чем Y, зато умнее, чем Z, и т.д.¹⁴⁰

Василевский (позже не менее цинично признавшийся, что, занимая свое кресло и получая редакционную зарплату, не читает современную прозу,¹⁴¹ ибо ему жаль тратить на нее время) берясь вдруг за рецензию новой прозы, писал так:

«Сердца четырех» – скучная книга. Бывают хорошие скучные книги. «Сердца четырех» – плохая скучная книга. <...> Сорокин неизобретателен. «Сердца четырех» – феномен не творческий, а механический. <...> «Сердца четырех» – книга пресная, потому что неталантливая. Сорокин неталантлив. <...> «Сердца четырех» написаны не для того, чтобы их было интересно читать. <...> вообще не для того, чтобы их читали. Сегодня это дело обыкновенное. Сам Сорокин еще менее интересен. <...> Сорокин не нужен.¹⁴²

Вся эта «в высшем смысле чужая словесность» не раз выступала и главным козырем в деле оправдания профессиональной неспособности к анализу нового:

<...> даже весьма образованные читатели, и даже опытные сотрудники толстых журналов сетуют: дескать, новое поколение критиков пишет так, что ничего нельзя понять: ни о чем произведение, ни даже кто его автор. Увы, это правда. Но поймите и нас! Редкий критик может в точности сказать: о чем пишутся современные вещи? Их авторство тоже не всегда понятно. О жанре, языке и проч. писать даже как-то и неприлично – еще подумают, что с луны свалился или очнулся после летаргического сна.¹⁴³

Ст. Рассадин, не скрывавший своей неприязни к новым литераторам, изображая «обзор современной литературы», сообщал читателям всероссийской газеты:

Пригов – наскучил, Кедров – смешон, здравствующий из Ерофеевых – суетлив в непрестанной своей состязательности», в общем, в литературе воцарился неуютный «промежуток».¹⁴⁴

«Академичный и беспристрастный» Вл. Новиков, возложив, видимо, для пущей объективности, часть вины и на собратьев по цеху, писал о «плохой литературе»:

Критики просто не читают новейшей прозы (в лучшем случае просматривают по диагонали), повторяют имена новых прозаиков целыми обоймами в статьях, но не пишут развернутых разборов. По редким в наши дни рецензиям читатель просто не в состоянии получить хотя бы минимальное представление о сюжете и персонажах. <...> у этого нашего профессионального «преступления» есть смягчающие обстоятельства. <...> Дело прежде всего в низком уровне чисто беллетристической техники. Здания романов и повестей разваливаются в сознании задолго до того, как достигнешь финала. <...> Ожидая

¹⁴⁰ А. Василевский, «Литературная газета», № 32, 1993.

¹⁴¹ «Я, литературный критик, редакционный работник, не дочитал до конца роман Георгия Владимова «Генерал и его армия» и, видимо, не дочту. Просто я открыл, полистал и понял, что мне это совершенно не нужно, что нет никаких причин тратить несколько часов или дней моей жизни на эту книгу. Скажут: это не показатель мало ли чего какой-то Василевский не прочел <...>. Но показательно, что сегодня я об этом публично и свободно говорю и без малейшего смущения» («Критики о критике», «Вопросы литературы», №6, 1996).

¹⁴² А. Василевский, «Вот что я думаю о Сорокине», «Литературная газета», № 11, 1994.

¹⁴³ П. Басинский, «О чем написал Аксенов? Опыт рецензии в манере пересказа», ЛГ, №32, 1994.

¹⁴⁴ Ст. Рассадин, «Промежуток», «Литературная газета», № 28, 1993.

от меня серьезного, с пониманием, разбора, автор как бы предлагает мне поднять ту самую штангу, которую он только что со звоном уронил.¹⁴⁵

Дразня расписывающихся в собственной беспомощности толстожурнальных критиков, ругающих непонятное – плохим, В. Курицын манифестировал:

<...> наш средний критик убежден, что писатель, сочиняющий тексты, которые ему, критику, не нравятся, берется за перо с единственной целью – сделать гадость.¹⁴⁶

Не все критики демцентра отвергали новейшую литературу и критику, но свою «приязнь» сочувствующие выражали, как правило, тогда еще «амбивалентно»:

<...> ловлю себя на странном чувстве – то ли понимания, то ли отталкивания; отрицания, смешанного с симпатией, или симпатии, смешанной с отрицанием, – к провокативному, скандальному, эпатажному литературному поведению новейших литераторов. <...> Они свободны не только в дурном, но и в хорошем смысле этого слова; они не связаны тысячами невидимых <...> нитей, долгов и обязательств, поведенческих взаиморасчетов и табу. Они – люди ниоткуда, непризнанные, «чужие», без литературного прошлого; варвары, не соблюдающие правил. Критик «Нового мира», безусловно, соблюдает определенные правила игры и расставляет ритуальные формулы уважения при разговоре о критике, скажем, «Октября», и наоборот. Новейшей критике до этих церемоний дела нет, она использует вседозволенность как фору.¹⁴⁷

***

Подводя итоги конца 1993–1995 годов, необходимо оглянуться и на весь десятилетний период перемен в целом. Литературное поле СССР, каким его застал апрель 1985 года представляло из себя строго иерархичное, с резко очерченными границами, единство агентов контролирующей компартии (и ее многочисленными ставленниками на местах) сверху вниз и по всем горизонталям с помощью жесткой цензуры. Все доступы в поле были под тотальным

---

¹⁴⁵ Вл. Новиков, «Четыре возраста русского модернизма», Знамя, №10, 1995.

¹⁴⁶ В. Курицын, «Свет нетварный», «Литературная газета», №5, 1995.

¹⁴⁷ Н. Иванова, Сладкая парочка», «Знамя», № 5, 1994. Спустя всего лишь 1,5 года, демсектору стало чуть легче признавать новогазетные достижения: «...критика в «тонких» изданиях сыграла свою исторически положительную роль раздражителя, существенно расширив жанровый репертуар критических разделов «толстяков», легко усвоивших и <...> усовершенствовавших, в силу наработанного профессионализма, ее приемы. <...> стало ясно, что критику «следует писать увлекательно» (Д. Быков), что критика есть дело веселое, а качество идей и количество наблюдений если и пострадают от вторжения стилистики свободного разговора, то лишь там, где неразборчиво подхвачена совсем уж чуждая традиционным журналам развязность <...>. Впрочем, у журнальной критики <...> страницы для авторов открыты достаточно широко, деление на «своих» и «чужих» <...> не такое затвердевшее. Здесь рядом печатаются Немзер и Басинский, Агеев и Архангельский, Липовецкий и Рассадин, Курицын и Латынина; неожиданно для себя встречаются разные критики, с разными представлениями о критериях, разными, порою противоположными, оценками, отнюдь не сходными литературными убеждениями и представлениями. <...> Журнальная критика распрощалась с «руководящей» и «направляющей» ролью, а теперь еще и избавилась от обязательности быть «серьезной». (Н. Иванова, «Между. О месте критики в прессе и литературе», «Новый Мир», №1, 1996).

контролем, что исключало спонтанные расширения поля литературы. Любые, несанкционированные сверху, манифестации агентов быстро, жестко подавлялись посредством травли в печати (по указанию ЦК КПСС) с последующим понижением (вплоть до полного лишения) позиций данных агентов в поле. Насильственный вывод – производимый всегда по указанию партии – опальных агентов поля за его пределы, означал не только полное вычеркивание каждого такого агента и всех его работ из истории поля, но и грозил реальной физической гибелью, в случае отказа или неспособности данного агента заняться чем-то другим, вне литературного поля. С отменой цензуры и легализацией частных издательств, эта ситуация радикально изменилась.

Появившиеся в поле литературы новые агенты (от новых газет, предоставлявших большое пространство на своих страницах как литературе, так и литературной критике и книжным рецензиям, до глянцевого журнала и интернета, также изначально уделявших исторически большое, в отличие от Запада, внимание литературе), кардинально изменили не только границы и принципы иерархизации поля, но и само понимание роли литературы в обществе новой России. Наиболее характерной чертой последнего периода стало глубокое смешение черт старого и нового в поле, или тотальная гибридизация по всему объему. Гибридизация (взаимопроникновение, взаимовлияние, контаминация новых явлений старыми и наоборот, на всех представимых уровнях), будучи явлением «диалогического характера», помогла литературному полю России не только сохранить, развить и лучше понять свои индивидуальные черты, но и освоить в процессе адаптации совершенно новые, незнакомые и чужие формы. Как и положено продуктивному диалогу, эти взаимодействия в поле литературы весьма расширили диапазон и обогатили выбор всевозможных «картин мира», а также помогли многим агентам поля лучше сориентироваться в определении стратегий и тактик будущего.¹⁴⁸

Результаты начавшихся в 1985 году и ускорившихся с распадом СССР в 1991 перемен в поле литературы, стали наиболее заметны в течение 1993–1995 годов. К началу 1996 года, все эти процессы, будучи закреплены законодательно, позволили литературному полю России не только обрести новые, существенно

---

¹⁴⁸ И, может быть, во многом именно благодаря этому, постмодернизм, пусть много позже, но все же оказался в целом принят, и, как минимум, включен в общее поле манифестаций практически всеми агентами поля, не исключая и консервативных патриотов.

раздвинувшиеся границы, формы, нормы и функции, но и более-менее осознать сам факт этих приобретений. Создавая свою автономию на руинах былого, новое литературное поле России сумело органично вместить в себя и укрепить в этом единстве всех новых агентов поля: литераторов, критиков, литературоведов, издателей и, конечно, читателей, а также обжить новейшие носители литературы (новые газеты и журналы, глянец и сеть).

***